

Барбара Картленд Скверный маркиз

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444629
Барбара Картленд. Скверный маркиз: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67783-2

Аннотация

Жизнь Орелии Стэнион изменилась до неузнаваемости, когда она попала под покровительство своей старшей подруги Кэролайн. Блеск высшего общества, балы, поклонники... Но Орелию интересует лишь один мужчина – блистательный аристократ Дариус Райд, прозванный в обществе «скверным маркизом» за свои дерзостные выходки и скандальные романы. У Орелии и Дариуса есть общий секрет, и девушка верит, что он может стать ключом к сердцу маркиза. Однако у Кэролайн припасена для подруги новость, которая навсегда изменит отношение Орелии к любимому...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Барбара Картленд

Скверный маркиз

Глава 1

Дверь гостиницы отворилась, и из нее, мгновенно попав в бодрящие объятия морозного ноябрьского воздуха – нынешний день выдался необычно холодным, – вышел джентльмен.

Воздух был таким прозрачным и чистым, что, казалось, хрустел. Джентльмен остановился и задержался на ступенях у входа. Красота уходящего дня заворожила его. За деревьями парка садилось солнце, и ветки, последние листья с которых успели уже облететь, чернели на золотисто-алом фоне заката как тонкие ломкие пальцы или таинственные письма, хранящие древние тайны, прочесть которые могут лишь посвященные – а непосвященные могут лишь просто любоваться закатным небом и безлиственной осенней порою. Джентльмен побыстрее закрыл за собой дверь, чтобы звуки застольного шума, смеха и гомона, доносящиеся из помещения, стали чуть приглушеннее. И вправду стало тихо. Джентльмен был настроен на то, чтобы напоследок в конце этого дня воспарить душой, созерцая краски заката на безоблачном ясном небе.

Гостиница, которую покидал сейчас джентльмен, носила название «Георгий и Змей». Джентльмен поглядел на вывеску и усмехнулся. Какие же страсти и чудеса стойкости во время пыток явил тут Георгий, чтобы его именем было названо заведение, сулящее посетителям комфорт и всяческие удовольствия? Джентльмен покрутил головой в поисках возможного собеседника, чтобы поделиться с ним этими мыслями, и издал короткий смешок. Ха-ха. Как гласит Церковь, по наущению дьявола персидский царь Дациан подверг христиан жестоким гонениям. На долю Георгия достались особенно тяжкие пытки. Его связывали и клали ему на грудь тяжелый камень, его били палками, морили голодом и бросали в пруд, а еще – пытали огнем и раскаленным металлом... И так продолжалось целых семь лет, в течение которых, вдохновленные стойкостью Георгия, все новые и новые люди обращались в христианство и дивились его содеянными во время пыток чудесами – по молитве Георгия с небес сошла молния и испепелила его палачей, а земля разверзлась и поглотила их. Но самым большим чудом Георгия, уже посмертным, стало спасение царской дочери, которой выпал жребий быть отданной на растерзание чудовищу – змею, дракону. Но тут явился на коне Георгий и пронзил змея копьем. Событие это так ярко впечаталось в память христиан, что святого Георгия равно почитают теперь католическая, православная, а вслед за ними – и англиканская церкви. Забавно! Джентльмен еще раз усмехнулся курьезам человеческой памяти и тем способам, каковыми благодарное человечество может выразить признательность своим героям... Сокрушенно вздохнув – о времена, о нравы! – и водрузив на темноволосую голову котелок – угол, под каким это было сделано, оказался весьма вызывающим, – джентльмен устремил взгляд на стоящий напротив через дорогу черно-желтый фаэтон, запряженный четверкой тщательно подобранных в масть гнедых лошадей. Коричневый цвет корпуса каждой был одного и того же ровного коричневого оттенка, стройные ноги у всех лошадок были черными ровно не выше запястных суставов, хвосты и гривы – без захвата оплечий – были также черными и в отблесках закатного освещения сверкали золотистым отливом. Эта щегольская чистопородная упряжка, принадлежащая джентльмену, стояла в ожидании не одна: заботливые грумы фаэтонов, парных двухколесных экипажей и элегантных ландо терпеливо дожидались при своих экипажах господ, уставших после проведенного в седле трудного дня, дабы с комфортом доставить их к домашнему очагу.

Джентльмен в лихо заломленном котелке, с наслаждением захватив в легкие побольше свежего воздуху, приготовился было неспешно шагнуть к своему фаэтону, размышляя, какие кары найдет за его прегрешения фортуна на его голову, однако до его слуха донесся тихий и жалобный голосок, остановивший его:

– Умоляю вас, господа... Позвольте... позвольте же мне пройти! Пожалуйста...

– Нет, ты должна сделать выбор. Ты должна непременно выбрать! Он или я? Выбирай. Ну? – В развязной интонации говорившего прозвучали плохо скрытые нотки угрозы. «А вот это уже лишнее!» – подумал джентльмен. Одно дело – флиртовать с дамой, и совсем другое – принуждать ее к общению, когда она не хочет этого. Джентльмен с неудовольствием поморщился.

Он опознал этот голос – голос ветреного, насколько это было ему известно, баронета – и обернулся. Бросив рассеянный взгляд в сторону высокого крыльца черно-белого соседнего коттеджа под крышей из прессованной соломы, он увидел девушку в длинном синем плаще, отделанном серым мехом. На голову ее был наброшен капюшон, но даже на расстоянии джентльмен смог различить под его прикрытием белое личико и большие темные глаза на нем.

Дорогу молодой особе в плаще заслоняли двое: баронет, которого опознал джентльмен, и некий неизвестный ему молодой человек. Оба были в запачканных грязью белых лосинах и розовых охотничьих куртках с зелеными лацканами.

– Ну, давай же... решайся... выбирай! – развязно-настойчиво повторил баронет. Речь его выдавала изрядное воздействие горячего пунша, которым щедро их угощали после охоты.

Джентльмен, благоразумно решив не вмешиваться, сделал несколько шагов по направлению к своему фаэтону. В конце концов, все это его не касается, и если молодой Хэйдон и его неизвестный друг хотят подцепить какую-то из местных красоток, он не станет им портить молодую игру. Да еще в такой – охотничий! – день. Природа, извольте заметить, требует отдать ей свое... Куда от нее деться?..

– Пожалуйста... пожалуйста, позвольте мне пройти... умоляю... вас!

Звук этого голоса заставил джентльмена обернуться. Голос был такой юный, просящий и беззащитный, и звучало в нем что-то еще, заставившее его помедлить.

– Ну, я выиграл... – То был голос баронета. Несомненно, он был не только пьян, но выпитое спиртное сделало его амурное настроение весьма агрессивным. – Хо-хо! Ну давай, идем же, моя очаровательная малютка! Ну что ты так укрываешься капюшоном, ну покажи нам свои прекрасные глазки, крошка! Ну, иди ко мне ближе, давай!

С этими словами он подался вперед и вытянул руки, желая заключить в объятия ту, которая от него уклонялась то вправо, то влево, насколько это было возможно на тесном крыльце. В ответ на последний призыв баронета девушка в плаще резко отпрянула, и тогда джентльмен с изрядной долей надменности осадил друзей-охотников, не израсходовавших пыла преследования, зычным и властным окриком:

– Кажется, вы слышали: леди желает пройти!

Окрик – сочный, богатый оттенками баритон прозвучал в холодном сухом воздухе подобно выстрелу – возымел тот эффект, что двое на крыльце дернулись, насторожившись. Лицо баронета тут же приняло виноватое выражение – он узнал джентльмена. Его приятелю потребовалось больше времени, чтобы распознать, кто же это посмел помешать им в столь увлекательном занятии.

– Какого дьявола... Ты!.. – начал было второй, но, увидев джентльмена, тоже сконфузился, и агрессивность его моментально испарилась.

Джентльмен не удостоил вниманием тех, кому дал справедливый и суровый отпор. А фигурке, топтавшейся на пороге, он, подойдя к крыльцу, с легким поклоном вежливо предложил:

– Могу ли я сопроводить вас, мэм, до вашего экипажа? – добродушно-иронически спросил он с улыбкой.

Девушка кротко взглянула на джентльмена. В угасающем свете дня он смог рассмотреть, что она совсем молода, а глаза у нее не просто большие, а совершенно огромные.

– Благодарю... вас, – почти беззвучно ответила ему девушка, придерживая рукой капюшон, и, осторожно спустившись по звонким от мороза ступеням, будто боялась оступиться с них и упасть, стала подле джентльмена, не обращая внимания на баронета и его приятеля, которые молча перед ней расступились, пока она шла.

Роста она была очень маленького и едва доставала головой до широких плеч своего спасителя, тот же был необычайно высок и широк в плечах, даже могуч, так что девушка поглядела на него снизу вверх не без опаски. Не только один его взгляд, а и вся фигура его производила внушительное впечатление, и она поняла, почему эти двое охотников, только что преследовавшие ее, как недавно они преследовали лисицу, прикусили свои языки и хранили теперь гробовое молчание.

Коттедж, носивший название «Зеленый дол», стоял от гостиницы справа, за ним виднелось еще несколько таких же бело-черных небольших аккуратных домиков. По одну сторону от коттеджа высились деревянные сходни, по другую поблескивал подернутый некрепким ледком Мертвый пруд. Легенда гласила, что когда-то в нем было утоплено больше дюжины ведьм. Неподалеку стояла старомодная двуколка, в которую был запряжен толстый черно-белый пони. Он медленно продвигался вперед, пощипывая прихваченную морозцем травку с белыми кое-где и едва заметными островками снега. Двуколка и пони составляли трогательный и забавный контраст с элегантными экипажами и чистокровными скакунами, какими блистала аристократия, живущая вблизи этих мест. Спасенная из рук обольстителей девушка торопливо зашагала к двуколке. Джентльмен, идя с нею рядом, старался не опережать ее, но казалось, что он просто неспешно прогуливается – на два ее мелких шажка приходился один его шаг. Когда они отошли от коттеджей на порядочное расстояние и двое «поклонников» уже не могли ее слышать, незнакомка с чувством проговорила:

– Я очень-очень вам благодарна, сэр. Я сама виновата... Забыла, что на сегодня здесь назначена встреча охотников.

– Верно, это ежегодные встречи, – подтверждающе-величественно кивнул ей джентльмен, окидывая всю ее взглядом. Какая она ладненькая, трепетная...

– Да, это так, но я совершенно об этом забыла! – Она виновато ему улыбнулась. – И если бы не ваше такое счастливое для меня появление, сэр...

– Значит, в следующий раз вам следует быть поосторожнее. – Он тоже ей улыбнулся. – Ведь не всегда же я буду рядом, когда вам это потребуется...

– Я буду как можно более осторожна, сэр...

Они подошли к двуколке, и джентльмен заметил, что вожжи были свернуты в аккуратный узел и прицеплены к бортику.

– Вам далеко ехать?

Она покачала головой.

– Нет, мне совсем недалеко. И я еще раз вас благодарю.

Он опять взглянул на нее. Последний луч заходящего солнца проскользнул между нагих ветвей и ярко осветил лицо девушки. Она неожиданно оказалась на удивление красивой – даже прекрасной! Было что-то неземное в ее одухотворенном личике, мягко заостряющемся к подбородку – такого милого и нежного подбородка ему еще не приходилось видеть, или, во всяком случае, не приходилось давно. Это волшебное личико напомнило ему

женское лицо с какой-то картины. Вот только с какой, чьей кисти? Он не мог вспомнить ни саму эту картину, ни имя художника. Хотя... Он отрешенно-задумчиво потер переносицу...

Пожалуй, есть в ней, в этой незнакомой ему особе в синем плаще, что-то боттичеллиевское – да, именно у Венеры с картины Сандро Боттичелли «Рождение Венеры» такой же вот маленький и чуть выдающийся вперед подбородок и такая же грива мягких и вьющихся волос! Бледно-золотистые, пышные, они окутывают и укрывают богиню, возникшую из пены морской и стоящую ступнями в раковине, которую, дуя, несет к берегу западный ветер – Зефир, – на картине он изображен слева... В светлых глазах Венеры – спокойствие и безмятежность, изначальная наивная умиротворенность, полное отсутствие обремененности тяжестью, какую неизбежно приносит постижение земного мира. И еще в ее глазах – уверенность: она знает о своей красоте и совершенстве, какого у людей попросту не бывает и быть не может, но вместе с тем взгляд Венеры немного потуплен, словно бы она извиняется за свою божественную грацию и безупречность обнаженного облика. Таким же взглядом – робким и в то же время в чем-то уверенным – смотрела на него сейчас незнакомка...

Все это в два мгновения пронеслось в сознании джентльмена, пока он улыбался девушке, явно смущая ее – он это видел, и ему это отчего-то очень и очень нравилось. Теперь он разглядел, что, оказывается, глаза у девушки синие, но не того синего цвета, какой обычно сопутствует бледно-золотистому – пшеничному – цвету волос, а вьющаяся прядка именно такого оттенка выбилась из-под ее капюшона! – нет, глаза незнакомки напоминали о той глубокой густой синеве, что таится и плещется в бурном зимнем студенном море. Но, что странно, длинные ее ресницы были при этом темными!

«Удивительные глаза, – отметил он про себя. – В них что-то загадочное, таинственное...» И, думая так, он не мог не заметить, что девушка смотрит на него как замороженная.

– Вам следует быть поосторожнее, – повторил он назидательно, забавляясь смущением девушки, а затем, опять несколько иронически усмехнувшись, спросил: – А я получу награду?

– Награду? – спросила она в свой черед изумленно.

Девушка все еще смотрела на него: никогда в жизни она не думала, что мужчина может быть так красив, так невероятно привлекателен и вместе с тем – выглядеть таким... циничным? насмешливым? Нет, все не то... Пожалуй – вот точные слова! – ...он выражал своим обликом крайнюю степень беспутства!

«Это лицо, – подумала она, – могло бы быть лицом пирата, если бы не его аристократическая породистость и благородство черт!» Но его вопрос обескуражил ее, и она опустила глаза, ухватившись за борт двуколки, словно в поисках надежной поддержки и, если придется, защиты.

– Я вас спас, – проговорил с модуляциями джентльмен еще более назидательно, улыбаясь и поигрывая бровями, – и за вами должок, который вы обязаны мне уплатить. Вас не учили в вашей деревне, что долг чести превышает всех иных долгов и его во что бы то ни стало необходимо вернуть?

Девушка снова смущенно и нерешительно взглянула на джентльмена. Он только что ее спас, молнией пронеслось в ее голове – и что же? Хочет теперь сам воспользоваться добычей? Но почему-то страха она не испытывала.

– ...Не совсем понятно... не знаю, что вы... имеете в виду, – почти шепотом пролепетала она.

– А я думаю, вы прекрасно все знаете, – и, двумя пальцами взяв ее за подбородок и повернув к себе ее лицо, джентльмен, обладатель колдовского голоса и обезоруживающей повадки, наклонился и прижался губами к ее губам...

Они стояли так долго и неподвижно. У нее было чувство, что она обратилась в камень, а ноги ее вросли в землю. Она не могла шевельнуть ни единым мускулом. Теплое и властное

прикосновение губ к ее рту показалось ей чем-то из области нереального, и она не могла понять, в самом ли деле все так и произошло. Его губы словно пленили ее, а сам он будто стал ее безоговорочным властелином. Но каким-то краешком ускользающего сознания, очень смутно, она понимала, что должна от него бежать – бежать, бежать, как можно скорее, немедленно... Или надо хотя бы отодвинуться от него, отстраниться... Но как?.. Она была не способна заставить себя пошевелиться, воля ее ослабела, она чувствовала только, что растворилась в каком-то странном, не позволяющем ей свободно вздохнуть ощущении, которое ввергло ее в эту сказочную неподвижность. Джентльмен наконец выпрямился и отпустил ее – как-то неохотно он ее отпустил, с какой-то ленцой или с некоторым сожалением... Или это ей показалось? Да нет же, она не ошиблась, именно с неохотой отодвинулся он от нее...

– Да... Вы... вы, несомненно, сделаете чрезвычайно счастливым какого-нибудь молодого селянина, похожего, черт возьми, на бычка... – обронил он ей сухо и немного насмешливо – даже с каким-то, о боже, почти упреком? – и зашагал прочь, не оглядываясь. А она осталась стоять столб столбом и просто смотрела в растерянности, как он уходит... Прошло несколько минут.

Она по-прежнему не могла поверить в то, что случилось: мужчина, которого она прежде и знать не знала и о котором и слыхом не слыхивала, вот так запросто взял и поцеловал ее! И еще сказал ей что-то обидное... Что она ему сделала? За что он ее упрекнул? Да, но она сама повела себя очень нескромно, бесстыдно, во что просто нельзя верить! – она не оттолкнула его, не попыталась даже как-то ему воспротивиться! Она покорно стояла и позволила его губам прижиматься к ее рту, не испытывая при этом и капельки какого бы то ни было отвращения... Наоборот. Все это было как наваждение, этого не должно было случиться, и все-таки оно случилось!

Прикусив губу и поглубже нахлобучив на голову капюшон, словно бы хотела спрятать в него пылающее лицо и закрыться от того, что только что произошло между нею и совершенно незнакомым ей джентльменом, она уселась в двуколку. Солнце скрылось за горизонтом до следующего утра, лишив все предметы золотистого и теплого освещения и придав им черты серой невзрачной реальности, а высокая широкоплечая мужская фигура стала от нее удаляться, пока совсем не растворилась в начавших сгущаться сумерках.

Но она не хочет смотреть на него... она не должна смотреть ему вслед... она знает только одно – она поскорее должна уехать... должна вернуться домой и постараться объяснить себе, что же это все-таки было...

Толстый черно-белый пони медленно и с явной неохотой тронулся в путь. Ему очень не хотелось покидать эту лужайку, трава на ней была сочная и хрустящая – и что с того, что дорога его лежит домой, а там его ждут удобное стойло и охапка свежего сена? Пони слегка прибавил шагу и, протрусив приблизительно с четверть мили, свернул к каменным воротам. Подъездная аллея была короткая, и, вынырнув из-под тени старинных дубов, двуколка оказалась перед красивым краснокирпичным особняком елизаветинских времен с полагающейся ему деревянной брусчатой крышей, заостренными окнами и дубовой, обитой гвоздями дверью.

При появлении двуколки немедленно возник грум, который ожидал приезда хозяйки у входа в дом.

– Вы припозднились, мисс Орелия, – заметил он с дружеской фамильярностью старого слуги, заслужившего привилегию при подходящем случае поворачать на хозяев.

– Да, знаю, Эбби, – ответила ему Орелия, – но бедная Сара упокоилась навек лишь час назад...

– Так она умерла, мисс?

Орелия кивнула:

– Да, Эбби, и нам приходится лишь радоваться тому. Она ужасно страдала от болей последние несколько месяцев.

– Да, я слышан был, мисс, и то-то она радовалась, что вы были рядышком.

– Да, мне кажется, я была ей нужна, – кратко отвечала Орелия, спускаясь из двуколки.

Отворилась дверь, и показался еще один старик, лет хорошо за семьдесят.

– Вернулись, мисс Орелия? А я уже хотел посылать за вами Эбби.

– Что-нибудь с дядей Артуром? – быстро спросила она.

– У него сейчас врач, мисс, но надеяться, видимо, не на что.

– Сейчас поднимусь к нему.

Орелия расстегнула плащ, и дворецкий снял его с ее аккуратных скульптурных плеч. Она пригладила рукой волосы, на секунду прикрыла глаза. Перед ее внутренним взором сияли солнечные лучи самой ранней весны... Она на секунду оцепенела, но стряхнула с себя наваждение и одернула верх небогатого своего облачения. Одета она была в темное, слегка старомодное платье, но оно не скрывало прелести грациозной фигурки и мягкой округлости юной груди. Длинная тонкая шея, белое личико в ореоле светло-золотистых волос... Фея? Нимфа? Богиня, сбежавшая из любопытства к земной жизни с Олимпа и закутавшаяся, дабы не быть узнанной, в невзрачные земные одежды...

Она взбежала по лестнице, едва касаясь ногами ступеней, покрытых старой ковровой дорожкой. На лестничной площадке остановилась и отдышалась. Глаза ее стали совсем темными – от тревоги и беспокойства. Чуть помедлив, она открыла дверь спальни.

На следующий день, едва проснувшись, Орелия снова вспомнила о джентльмене, избавившем ее от навязчивого внимания двух пьяных охотников, и о том, что между ними произошло. Этот красивый джентльмен ее оскорбил – иначе его поступок не назовешь.

Но был ли его поступок столь уж оскорбителен, спросила она себя. Разве она не поощрила его сама, не высказав протеста, не оказав ему сопротивления? Да, она поняла, что он принял ее за деревенскую простушку: «Вы, конечно, сделаете чрезвычайно счастливым какого-нибудь селянина, похожего на быка».

Она слышала этот голос с его сухой, насмешливой интонацией, ясно дававшей понять, что он и помыслить не может о ней как о подходящей жене для джентльмена.

Но ведь ни одна благовоспитанная дама, дама из благородного сословия не отважилась бы пуститься на двуколке в путь без мужского сопровождения! Ей очень хотелось бы объяснить ему, почему она остановила свой выбор на двуколке и толстом Пятнашке и отправилась в дорогу без слуги, но Эбби надо было срочно поехать в дальнюю от них аптеку за лекарством для тяжело заболевшего грума, который помогает ему на конюшне, и он взял для этого экипаж, а старая Сара была уже при смерти, так что Орелия решила ехать немедленно и одна. Но все же как она могла допустить такую глупость, совсем забыв о предстоящей встрече охотников в гостиничном баре «Георгий и Змей»? И почему она словно лишилась языка и окаменела, когда незнакомец ее поцеловал? Может быть, это смерть Сары так подействовала на нее, что она потеряла способность здравого рассуждения – ведь бедную дорогую Сару она знала с детства... Именно Сара неусыпно и самоотверженно заботилась о ней всю ее жизнь, с тех самых пор, когда она лишилась родителей во время пожара – это случилось ночью, и помощь не смогла подоспеть вовремя, но маленькая Орелия была спасена и привезена родственниками в имение Морден к дяде Артуру. Жена его, страдавшая болезнью легких, тоже к тому времени умерла, и из просто служанки в доме Сара сделалась няней – своей семьи у нее не было, но детей она очень любила и души не чаяла в крошке Орелии и ее двоюродной сестре Кэролайн!

Имение Морден было расположено неподалеку от деревушки Борли, что в графстве Эссекс, в деревне Морден Грин. Здесь, в шестидесяти милях к югу от Лондона, когда-то

давно, несколько веков назад, был построен бенедиктинский монастырь – в достаточно рискованной близости к женскому монастырю. Надо ли говорить, что такое соседство стало слишком непосильным искушением для аскетичных монахов? И вот один из них влюбился в юную и прекрасную послушницу Марию. Монах уговорил Марию бежать с ним, и запряженная лошадьми повозка уже готовилась выехать с монастырского двора, когда по чьему-то доносу преступные любовники были схвачены. Монаха вскоре повесили, а его возлюбленную замуровали в каменной стене монастыря Борли. С тех пор призрак девушки в серых одеждах часто видели вблизи монастыря и слышали стук лошадиных копыт, хотя никакая повозка в этот момент не проезжала ни здесь, ни на расстоянии, с которого можно было бы ее слышать. Привидение, обликом напоминавшее Марию, обычно проходило по парку, по одной и той же тропинке – тропинка эта получила название Аллея монахини. В шестнадцатом веке монастырь был разрушен, и на его месте возвели помещичью усадьбу. Неподалеку от этой усадьбы и было расположено имение Морден. Сара не раз рассказывала Орелии эту печальную историю, и Орелия очень сочувствовала двум влюбленным, кому так не повезло, хотя их счастье было очень возможно...

А теперь вот Сара умерла, больше она не скажет ни слова... Несколько недель перед тем она провела в больнице деревушки Борли, где за ней был надлежащий уход – больничку эту устроил в деревне сам доктор, и была она совсем небольшой, почти домашней, так что Орелия, часто навещая там Сару, не чувствовала себя виноватой за то, что эти заботы с ней разделили женщины из деревни, помогавшие доктору, – чтобы отблагодарить одну из них, особенно внимательную к Саре в эти скорбные дни, Орелия и зашла в тот злополучный коттедж, на ступенях которого ее так неожиданно для нее подловили эти двое разогретых спиртным и охотой друзей.

Умер и дядя Артур. Умер он на рассвете, держа ее за руку, а перед тем говорил – долго и много, но при этом речь его была только о тех, кто умер уже давно, о своей дорогой жене, которую он очень любил и после ее смерти так и не женился, или о незнакомых ей людях. Когда дядя заговорил о ее отце, Орелия поняла, как глубоко он любил своего умершего от неизвестной болезни брата, но были и другие родственники, которых он знал еще мальчиком, но которые для нее оставались лишь именами.

Незадолго до того, как испустить свой последний вздох, он вдруг позвал свою дочь:

– Кэролайн, где Кэролайн? Я хочу увидеться с Кэролайн!.. Приведите ее!

– Это невозможно сейчас... Она далеко, дядя Артур.

– Где моя милая девочка Кэролайн?

– Она... за пределами Англии, на континенте...

– Но как же так... Мне осталось жить совсем немного, а я не увижу мою милую Кэролайн?

– Она бы непременно была сейчас рядом с вами, если бы знала о вашей болезни! Но у меня до сих пор нет ее адреса, чтобы сообщить ей грустные новости...

– Моя Кэролайн где-то в другой стране! Ах, Кэролайн... Все время она где-то носится – не сидится ей дома, и всегда у нее какие-то неприятности... О, ты должна помогать ей, Орелия, моя разумная девочка...

– Боюсь, она не станет слушать моих советов, дядя Артур! Вы же так хорошо ее знаете!

– Нет, станет! Обязательно станет, она должна их слушать! – настойчиво внушал ей дядюшка свою волю. Голос у него был уже совсем слабый, но в нем звучала такая отчаянная настойчивость, словно это не был его последний наказ, а он готовился самолично проконтролировать указание. – И она должна всегда тебя слушаться! Твое воздействие на нее было всегда... благотворным... да... очень... Она менялась в лучшую сторону! Оставайся же с ней... не отпускай ее от себя... не дай ей оступиться... обещай мне!

– Обещаю, что постараюсь сделать все, как вы хотите, мой дорогой дядя Артур! – Орелия стояла на коленях возле кровати и вслушивалась в слова умирающего – голос его слабел с каждой минутой.

– Нет, ты обещаешь мне, что сделаешь все, о чем я тебя прошу! Иначе моей душе не будет спокойствия на том свете... Это моя последняя просьба!

– Обещаю, что сделаю, чего бы мне это ни стоило, дядя Артур!.. – прижав руки к груди в молитвенном жесте, отвечала ему Орелия, едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться. Вскоре его не стало...

Однако она не совсем ясно представляла себе, в чем суть ее обещания, которое она так пылко дала сейчас близкому ей человеку, расстающемуся с земной жизнью. Правда, у нее возникло такое чувство, будто она дала умирающему какую-то особую клятву – и что все это очень и очень важно, причем для нее же самой!

И ей показалось немного странным, что последние ясные мысли и слова дяди Артура были о Кэролайн. Впрочем, скорее всего, он просто таил глубоко в себе те эмоции, какие испытывал к родной дочери, жизнь и поступки которой, когда она повзрослела, он очень не одобрял и не скрывал этого. Просто ему было невыносимо больно говорить о ней, и он не говорил, поняла вдруг Орелия... Да, да, вот поэтому-то последние несколько лет Кэролайн с виду очень мало значила для него! – иногда Орелия даже всерьез начинала думать, что он совсем позабыл о ней, поскольку почти вовсе переставал вспоминать вслух о дочери и скорее к ней, Орелии, своей племяннице, относился как к единственно родной дочке – так много у них было общего, что равно привлекало обоих: книги, живопись, музыка, архитектура, история... Дядя Артур глубоко интересовался античностью, цитировал ей древних авторов, писавших трагедии на сюжеты из мифологии, и события и персонажи, которым были посвящены эти родившиеся как плод человеческих размышлений много веков назад драматические творения, значили для Орелии куда больше, нежели материальные блага ее собственной жизни в поместье Морден. От дяди Артура Орелия узнала и о творцах более поздних времен, например, о знаменитом Шекспире и о его легендарном театре «Глобус» – и особенно ее потрясла даже не трагедия бедных Ромео и Джульетты, ставших жертвами семейной вражды, а леденящая душу история о короле Лире и о его дочерях – о том, что стало с ними со всеми... Как же была ей близка Корделия! – глубоко чувствующая, молчаливая, не падкая на цветистость слов и пышность признаний! Орелия всегда носила в душе этот образ. Он был ей близок. Ей не нужно было шумное общество, она питала свое воображение литературой, искусством. Кэролайн же не способна была примириться с бедностью, отсутствием новомодных удобств и развлечений в Мордене. Она была так прекрасна, так весела и всегда так непоседлива, так жаждала увеселений и удовольствий светской жизни, что удивляться ее почти постоянному отсутствию дома им не приходилось. Однако теперь, когда дядя Артур отошел в мир иной и взирает на них с небес, Орелия должна была связаться с сестрой и дать знать, что той надлежит как можно скорее приехать домой и заявить права на скромное наследство, завещанное отцом.

В несколько последовавших за смертью ее любимого дяди Артура месяцев Орелия сполна ощутила не только то, как она теперь одинока и как ей не хватает былых разговоров о литературных героях, сюжетах, словах и мелодиях, но и то, сколь многое зависело сейчас от возвращения Кэролайн! Но пока ее нет, она должна изо всех сил стараться, чтобы во всем был порядок, и заботиться о поместье в ожидании, когда вернется домой наследница. Адвокаты согласились выделить авансом некоторую сумму на жалованье для старых слуг и на посевные работы – уже наступила весна, – хотя при этом очень ясно дали понять, что делают это весьма неохотно, не имея на то разрешения леди Кэролайн.

– Она сейчас, наверное, в Риме, – уговаривала адвокатов Орелия, желая произвести на них впечатление благонадежности, – хотя у меня нет в этом полной уверенности. Мы

получили письмо от нее семь месяцев тому назад, сразу после смерти дяди Артура. Она сообщала, что путешествует по Италии и собирается некоторое время пожить в Риме. Вот все, что мне известно. Я отправила письмо на адрес, который она тогда нам прислала, но за это время он, конечно, мог перемениться.

– Тогда, мисс Стэнион, мы должны быть уверены, что вы будете экономны, насколько это возможно, – важно отвечал ей один из адвокатов, и в его надтреснутом, скрипучем голосе не слышалось ни малейшей нотки сочувствия к молодой особе, на плечи которой легла вся тяжесть забот о людях и целой усадьбе с ее хозяйством.

– Постараюсь сделать все, что в моих силах, – отвечала на это Орелия, вздохнув и потупив взгляд от стыда, что вынуждена просить этих людей и унижаться возможным отказом. Разумеется, она не потратит лишнего из того, что ей выделяют адвокаты! И говорить об этом нет никакой нужды... Она и прежде почти ничего для себя не требовала, даже в мыслях. А теперь и подавно не станет действовать для своей личной выгоды... И ей пошли навстречу.

На похоронах дяди Артура присутствовало несколько дальних родственников, и, когда все было кончено, зачитали завещание. Оно было очень простым. Пятый граф Морден все, чем он владел, оставлял своему единственному ребенку Кэролайн Стэнион, однако в дополнительном пункте под номером 9 к основному тексту было дано указание:

«Я завещаю также моей дочери леди Кэролайн опеку над моей племянницей Орелией Стэнион, чьи добрые заботы и общество во все эти годы были для меня большим счастьем. Я повелеваю моей дочери разрешить ее кухне Орелии сделать сей дом ее местом жительства и прошу Орелию, в ее очередь, помогать моей дочери Кэролайн и поступать так, как она поступала в прошлом, сообразуясь со своим пониманием Добра и Совести».

Пока адвокат зачитывал эту странную просьбу, Орелия чувствовала, как краска заливает ее лицо. Она заметила, как присутствующие на погребении родственники, почти сплошь пожилые, быстро взглянули на нее – с любопытством и одновременно с чувством безмерного облегчения, явно отразившимся на их лицах: значит, об этой девушке уже позаботились! Им не придется предлагать ей свое гостеприимство! Как это мило и как облегчает им жизнь! Когда они, сделав благочестивые лица, отбыли восвояси и Орелия осталась в доме одна, ее охватили мрачные предчувствия. Ей хотелось во всем разобраться, но спросить совета было не у кого – единственным ее собеседником, кому она могла доверить свое самое сокровенное, был дядя Артур, а теперь она должна сообразовывать всю свою жизнь с его просьбой... На душе ее было смутно и тягостно. Как воспримет Кэролайн не совсем внятное поручение отца и согласится ли она быть опекуной той, с кем выросла под одной крышей, но с кем у нее сейчас так мало общего? Одно дело – хорошее отношение к кухне в годы детства, когда она позволяла Орелии всегда быть при ней, обслуживать ее как старшую, подчиняться ей, любить ее – и когда делилась с нею своими секретами. Орелия вспомнила, как часто она сидела на кровати старшей двоюродной сестры, слушая рассказы о ее беспрецедентных успехах у мужской половины человечества. Кэролайн с тринадцати лет поощряла молодых людей бегать за ней, и ничего удивительного: на свете не было никого восхитительней, очаровательней Кэролайн Стэнион, любительницы пофлиртовать. С ее темными пышными локонами, милым улыбчивым личиком, веселыми карими глазками, сиявшими жаждой нового, и пухлыми алыми губками – она была острой приманкой для всех молодых людей, живших в радиусе двадцати миль от ее дома: могли ли они устоять, если она их так и манила к себе? Повзрослев, она стала частенько гостить у своей крестной и к тому же дальней родственницы в ее имении и всегда возвращалась домой в восторженном состоянии от светских успехов. Отец пытался наставить ее на путь истинный, но куда там... Его дочь была непокорной и очень при том обаятельной, так что его сердце смягчалось, к тому же отговорка у Кэролайн была всегда одна и та же, весьма убедительная: крестная говорит с ней о религии и правильном поведении, и она, Кэролайн, все уже знает сама, и не надо

ее все время воспитывать... Но с утра и до поздней ночи она готова была рассказывать о поклонниках, которые повергали свои сердца к ее изящным стопам, сочиняли пылкие оды, воспевающие нежные линии ее дивных бровей и длину пушистых ресниц и возглашали в ее честь пространные тосты во всех ресторанах на всем протяжении Сент-Джеймс-стрит...

Но в семнадцать лет Кэролайн, как и следовало того ожидать, влюбилась. Можно сказать, потеряла голову... Вот тогда Орелия стала ей просто необходима: Кэролайн постоянно хотелось говорить и говорить о своих чувствах, сердечных волнениях и планах на будущее, а Орелия была счастлива от того, что ей поверяют сердечные тайны – это так неопишимо восхитительно, так притягательно! Между ними было три года разницы, но иногда четырнадцатилетней Орелии казалось, что она старше Кэролайн: та была такой порывистой, безответственной, так легко впадала в экстаз, так бурно переживала волнение минуты, что у нее никогда не хватало времени поразмыслить над своими поступками. Она сначала действовала, потом думала.

– Кэролайн, ну пожалуйста, не делай этого! – иногда умоляла ее Орелия, но в ответ слышала всегда одно:

– А почему нет? Для чего я живу на свете? Вот это и есть жизнь... Я хочу наслаждаться каждым ее мгновением, Орелия! Так легко что-нибудь упустить, а я, будь уверена, ничего не желаю упускать!

И Кэролайн в самом деле не упускала ни единой возможности. Бесконечно своенравная, она вышла замуж за дальнего родственника, тоже Стэниона, мота, игрока, никчемного, ничтожного красавца, когда ей исполнилось восемнадцать лет. Как было известно Орелии, этот шаг был продиктован разочарованием в первой любви. Это был жест отчаяния – таким образом Кэролайн хотела уберечь себя от боли, от уязвленного самолюбия. Она притворилась, что не испытывает никаких сердечных мук, что не тоскует по любимому человеку, который покинул ее, потому что любил. После смерти отца он унаследовал только множество долгов и обедневшее поместье, и ничто впереди ему не светило.

«Да, я лорд Фарингэм, – с горечью говорил он, – дворянин с дырявой крышей над головой и пустыми карманами! А в таких обстоятельствах чего же стоит мое сердце?»

Кэролайн разразилась потоком слез в ответ на сбивчивые, бессвязные речи этого человека. А ведь он обожал ее с самого ее детства!

А на следующее утро он исчез. «Любимая, я сделаю себе состояние, – гласило его письмо. – Дождись меня – я тебя люблю, я люблю тебя...»

Кэролайн, однако, ждать не захотела. Она бросила вызов несчастливой любви, отвергла собственное чувство и позволила молодому, но опытному искусителю совлечь себя с пути верности. То был нелепый брак, с самого начала обреченный на неудачу, но Орелия поняла, что нет такой силы, которая бы остановила Кэролайн и помешала бы ей выйти замуж за Гарри Стэниона. А через полгода после свадьбы Гарри умер, и умер он тем же самым глупым образом, как и жил, – с завязанными глазами приняв участие в лошадиных скачках по ухабистой сельской местности; в той же скачке двое других участников получили тяжкие увечья, а трех лошадей пришлось пристрелить. Эта ничем не оправданная, ненужная трагедия заставила общество говорить, что бесчинства эпохи Регентства, по времени совпадающей с временем наполеоновских войн, зашли чересчур далеко, что сам принц-регент Георг подает дурной пример пылким, не умеющим владеть собой молодым вертопрахам из своего окружения и что высшее общество должно вести себя, соблюдая хоть какие-то приличия, а вообще – надо принимать серьезные и взвешенные меры для исправления нравов. Экстравагантная жизнь принца Георга, его разгульный и веселый образ жизни, азартные игры, любовницы – все это сделалось предметами горячего обсуждения в английском обществе. Это было время появления денди, высоко ценилось остроумие и элегантность, а кипящая энергия выплеснулась на искусство, так что даже континент заболел англomанией как в

политике, так и в образе жизни. Царящие на континенте в это время стили ампир и рококо были отмечены английскими особенностями в стране туманного Альбиона, и всякий понимал их на свой британский манер.

Девять-десять дней событие, связанное с именем трагической карикатуры на денди Гарри Стэниона и его горе-приятелей, громко и взхлеб обсуждали, в гостиных судачили практически только о нем, в газетах появились рисунки и соответствующие статьи, но вскоре общество обо всем забыло, остался лишь непреложный факт: Гарри Стэнион погиб, а Кэролайн стала вдовой, когда ей не исполнилось еще и девятнадцати лет. И тогда она впервые в жизни немного поутихла и стала питать страх перед будущим, но на помощь ей, к большому облегчению ее отца, все это время мучительно переживавшего события в жизни дочери, явилась крестная мать. Однако прежде чем в Мордене полностью осознали, что же произошло, и граф стал отдавать себе отчет, с какой беспутной частью высшего общества свела тесное знакомство его дочь, Кэролайн уже отправилась в большое путешествие по Европе, лишь в редких, случайных письмах извещая отца и кузину о месте своего пребывания и о том, что с ней происходит. Даже несколько торопливо набросанных строк свидетельствовали – и очень ясно – о том, что Кэролайн не только полностью оправилась от потрясения, но и что она беспорядочно и неумеренно наслаждается жизнью, и теперь, думая о сестре, которую она любила и о которой тревожилась, Орелия тихо вздыхала. Если Кэролайн снова не выйдет за это время замуж, что она станет делать, вернувшись домой? Понятное дело, что жизнь в сельском захолустье покажется ей невыносимо скучной, но ведь Морден расположен недалеко от Лондона, значит, можно будет приглашать друзей погостить, а у Кэролайн снова будет возможность насладиться светской жизнью, без которой она не мыслит себя... Да, но откуда на это взять деньги? Принимать гостей и ездить в гости стоит немалых средств... Вот проблема – настоящая, реальная, главная проблема, от которой зависит все, – деньги!

Орелии уже надоело постоянно слышать о деньгах: деньги нужны, чтобы возделывать усадебные земли, для содержания дома, на жалованья слугам, и было очевидно только одно – хоть она и не жаловалась: у нее никогда не будет денег на собственные нужды! Мысли эти невольно терзали Орелию, благо что времени на это у нее было более чем достаточно – на Рождество их надолго завалило снегом, и они стали вынужденными домашними пленниками. По счастью, у них оказалось и достаточно дров, чтобы топились все печи, и старая кухарка, работающая в Мордене уже больше полувека, насолила много дичи и рыбы, так что о голоде речи не шло, а еще есть окорока, свисающие с кухонных балок, а в голубятне достаточно голубей – хотя, надо заметить, Орелия не слишком заботилась о том, что она ест.

Однажды, когда она разбирала бумаги в дядином кабинете, приводя их в порядок, ее осенила мысль. Она много помогала ему, переписывая его трудночитаемые рукописи своим прекрасным, отчетливым почерком или поудобнее расставляя разложенные по всему кабинету справочники, чтобы они были у него под рукой. Бессчетно переписывая его многочисленные заметки на отдельных листках и столь же бессчетные дополнения к ним, она постепенно начала проникаться пониманием темы, над которой он работал, и сама стала разбираться в ней едва ли не так же хорошо, как и он. Как правило, когда из Лондона приходили бумаги, она нередко первой читала их, а потом пересказывала дяде сведения, необходимые ему для работы над книгой. А писал он о войнах Античности в сравнении с действиями Наполеона, предпринятыми им против стран в Европе. Регулярно прибывали копии официальных ежедневных парламентских речей из обеих палат, и Орелия их просматривала, чтобы понять, нужны ли они или не имеют касательства к интересующим дядю проблемам.

Дядя Артур умер, а книга осталась незаконченной, она была написана лишь на две трети, если не наполовину, и Орелия отдавала себе отчет, что ей не удастся дописать ее до конца с той же глубиной охвата проблем, как сделал бы это дядя, но... Попытаться все-таки стоит, решила она. Ради памяти дяди Артура... Весь декабрь, до Рождества и после него,

Орелия просидела в дядином кабинете, работая за его столом, пользуясь его справочниками и всеми печатными изданиями, вышедшими в последние годы и в последние месяцы. В конце января она отослала в Лондон аккуратно упакованный, не очень большой по размерам пакет. Отослав его, она ощутила полнейшее внутреннее опустошение: она отдала всю себя без остатка, но все равно необходимо было и дальше нести бремя жизни в Мордене. В середине мая неожиданно, без предупреждения, вернулась Кэролайн. Казалось, лишь минуту назад кругом было тихо, темно, но вдруг все очнулось, зашумело, заискрилось и просияло – это Кэролайн вернулась домой! Она вышла из дорогой кареты, запряженной четверкой взмысленных лошадей, и Орелия не сразу узнала кузину: никогда еще не выглядела она такой красивой и элегантной. На ней был дорожный плащ из красного бархата, украшенного миниатюрными бантиками из горностаея, под стать капору с красными страусовыми перьями, завязанному шелковыми лентами под подбородком.

– Орелия, Орелия! Вот я и дома! Милая Орелия, как это чудесно – видеть тебя! Мне столько нужно тебе рассказать! – Да, это была все та же неугомонная Кэролайн, сомневаться не приходилось. Это ее щебет, ее смех и ее заразительное оживление.

Она вихрем пронеслась в холл, смеясь, болтая, одаривая улыбками старых слуг, и, швырнув горностаевую муфту на один стул, капор – на другой, потребовала чего-нибудь для подкрепления сил. А у Орелии появилось такое чувство, словно в дом снова вошла жизнь, и что-то стонулось в ее душе при виде сестры.

– Миленькая, что ты с собой сделала? – вскричала Кэролайн. – Да нет, молчи, молчи, не говори ничего, я поняла, что это! Ты повзрослела... Ты выросла, а я все еще представляла тебя маленькой девочкой, которая когда-то сидела у меня на постели и внимала моим пламенным любовным историям...

– Мы взрослеем, ничего не поделаешь, – рассмеялась в ответ Орелия и развела руками. – Мне уже восемнадцать, Кэролайн, а тебе в июле будет двадцать два.

– Ох, нет! Нет! Не напоминай мне об этом, негодная и бессердечная! – драматически взмолилась Кэролайн и делано возмущенно замахала руками. – Но ты, ты прекрасна, Орелия, вот не думала, что ты станешь такой красавицей!

– Ну, на твоем фоне я бледное пятнышко, – спокойно возразила Орелия, разглядывая кузину и ее новый наряд.

– Вот чепуха... И мы составляем замечательный контраст, как всегда. Ты светлый, добрый ангел, а я скверный черный дьяволенок – да? Помнишь?

– Я помню, что ты всегда была прекрасной и самой обаятельной из всех знакомых мне девушек.

Кэролайн рассмеялась: комплимент ей явно пришелся по вкусу.

– Ой, мне так много надо тебе рассказать! – Но, оглянувшись вокруг, Кэролайн добавила с легкой горечью: – Боже, как все здесь бедно и неказисто!

Сказав так, она немедленно оживилась:

– Слава небесам, мы можем отсюда уехать! Мы поедем с тобой в Лондон, Орелия, ты поедешь со мной. Я собиралась пригласить тебя для компании, но теперь поняла, что вообще нельзя хоронить такую красоту в этой мрачной, невыносимо скучной дыре! – И она крепко сжала руку Орелии. – Вместе мы устроим в Лондоне грандиозный пожар! Интересно, как нас прозовут? Ведь в свете все имеют свои прозвища, как тебе известно.

– Я слышала, что тебя называют Несравненной Из Всех Несравненных.

– Но это лишь одно из таких прозвищ... Ну как же мы с тобой повеселимся! Мы взорвем все общество нашей красотой и блеском, ты и я! И как смешно, что папа назначил меня твоей опекуной! Я, конечно, не гожусь на эту роль – и это ты, надеюсь, станешь меня опекать.

– А ты уже знаешь о том, что случилось? – тихо спросила Орелия, глядя на сестру исподлобья.

– Да, я получила в Лондоне письмо от адвокатов... Оно пришло на адрес крестной. Я очень страдала в душе, я ведь любила отца, несмотря на все наши размолвки... Но я не могла сидеть здесь рядом с ним, я, наверное, уродилась в свою мать, мне папа и сам так не раз говорил, когда между нами возникало какое-то понимание... Но я примирилась с тем, что он умер... И мне очень, очень жаль, что все так случилось. Что меня не было рядом с ним...

– А я писала тебе в Рим.

– Но тогда я уже оттуда уехала, и приятельница привезла мне твое письмо в Париж. Но в том письме ты только извещала о смерти папы. А на прошлой неделе я вернулась и получила копию завещания.

– Боюсь, Кэролайн, что ты унаследуешь очень мало денег, – словно извиняясь, ответила Орелия, – и когда ты говоришь о нашей поездке в Лондон, я не могу не спросить: по средствам ли нам такая поездка?

Кэролайн откинулась на спинку кресла и рассмеялась. И такой она была сейчас хорошенькой, что Орелия невольно подумала: «Наверное, такие же веселые птички живут в раю, и невозможно объяснить этому блистательному, роскошному созданию, как бедственно наше материальное положение».

– Я не успела сообщить тебе новость, – отвечала Кэролайн. – Ну, Орелия, замри и приготовься, потому что новость сногшибательная... Скоро я выйду замуж!

– Замуж? За кого же?

– Никогда и ни за что не догадаешься, даже за тысячу лет! Все так чудесно, так замечательно, так невероятно и восхитительно! Орелия, мне сделал предложение маркиз Райд!

– Маркиз Райд? – ровным голосом без всякого энтузиазма переспросила Орелия. – Но я никогда не слышала о таком, кто это?

– Ты не слышала о маркизе Райде? – снова вскричала Кэролайн, всполошившись. – Фи, Орелия, ты действительно не от мира сего, если никогда не слышала о Скверном Маркизе!

– Скверном Маркизе? – эхом отозвалась Орелия все тем же бесцветным голосом. – Но если он таков, как его называют, то почему ты хочешь выйти за него замуж?

– Почему я хочу выйти за маркиза Райда?! – снова вскричала Кэролайн. – Да ты ничего не смыслишь, если не понимаешь, что я поймала самую неуловимую, самую желанную, самую дорогую в матримониальном отношении добычу во всей Великобритании!

И она глубоко вздохнула.

– Его сиятельство жутко богат, чертовски влиятелен, и у него такое количество поместий, что, наверное, он и сам не знает, сколько их всего; наконец, он просто красив, дьявольски привлекателен, ну и, конечно же, чудовищно избалован! Так что сама видишь – устоять перед ним невозможно!

– И он тебя любит? – недоверчиво улыбнулась Орелия.

– Не верю, что маркиз любит хоть кого-нибудь, кроме себя самого, думаю также, что он никогда никого не любил, но ему нужен наследник и нужна жена, которая украшала бы его застолье, блистала бы в его бриллиантах и соответствовала бы его положению в обществе... Ну, а кто больше меня подходит для этой роли? Что скажешь?..

Говорила Кэролайн очень весело, хотя и не очень последовательно, но вдруг, прервав себя, продолжила доверительным тоном:

– Никогда не думала, Орелия, что на мою долю выпадет такой приз. Мы с ним познакомились в Париже, и он сказал, что восхищается мной, но с маркизом никогда не чувствуешь себя в уверенности, действительно ли он так думает или его слова – простой долг вежливости, а на самом деле ничего подобного нет и в помине. И потом, мне показалось, что он в то время был в некоем затруднительном положении...

– Такой – и в затруднительном положении? Трудно в это поверить! Что ты хочешь этим сказать?

– Ну, видишь ли... до меня доходили слухи, очень смутные и неясные, поскольку маркиз очень ловко умеет заметать следы... так вот, поговаривают, что у него тайная связь с одной очень влиятельной дамой, и ее власть над ним может вызвать ни больше ни меньше, а политический скандал!

И Кэролайн негромко рассмеялась.

– Тем не менее совсем неожиданно, будучи просто очень приятным знакомым, не более того, он вдруг сделал мне предложение. Можешь ты это представить, Орелия? И теперь мне предстоит стать маркизой – маркизой Райд, самой знатной дамой в стране, если не считать дам из королевской семьи.

Орелия невольно отодвинулась от кухни, словно испугавшись ее победительных планов.

– А как же Джордж? – тихо спросила она, старательно пряча недоумение. Ей очень не хотелось вступать с сестрой в конфронтацию в первый же день – в первые же минуты! – ее приезда, и она хотела сначала во всем разобраться. Она помнила про обещание, данное дяде Артуру, но и понять Кэролайн, разобраться в ее намерениях она тоже считала необходимым, прежде чем давать ей советы, на которые так уповал ее бедный отец, что даже оговорил это в особом пункте своего завещания...

На минуту в комнате воцарилась гнетущая тишина, а потом, совсем изменившимся тоном, Кэролайн проговорила:

– Джордж? А что Джордж?.. Не знаю... Наверное, он погиб... Вот уже больше года прошло, а я ничего о нем не слыхала. Он был не то в Индии, не то еще в каком-то далеком отсюда и недосыгаемом месте. Ах, что пользы думать о Джордже, Орелия! Ну а кроме того, как же можно сравнивать Джорджа с маркизом Райдом!

– Но ты же любила Джорджа! Ты же за Гарри вышла замуж лишь потому, что чувствовала себя такой несчастной, и я думала, что теперь, когда Гарри погиб, ты будешь ждать возвращения Джорджа...

– Но он не вернется! Он никогда не вернется! – быстро и как-то отчаянно ответила Кэролайн и сверкнула глазами – азарт ли был в них, или то были слезы, сказать это Орелия затруднилась бы, не исключалось ни то, ни другое. – Да и если даже представить, что он вернется, то, думаю, наши чувства друг к другу уже изменились. Что-то безвозвратно утрачено, мы не соединимся с ним после всех этих лет, ты понимаешь? Мы разошлись друг от друга в разные стороны, а помним друг друга прежних, иных, чем мы есть сейчас... Орелия, мне же было только семнадцать! Что знала я о любви, что знал о ней Джордж, если уж на то пошло?..

– Но ведь он потому и уехал, что очень тебя любил, он же так любил тебя, Кэролайн, но не смог просить тебя разделить с ним бедность и неудобства жизни! И он так просил тебя подождать его, пока он не создаст себе, не достигнет обеспеченного положения, чтобы просить тебя стать его женой! Он просто не хотел обрекать тебя на несчастную бедную жизнь...

– И как долго его отсутствие продолжалось бы? Ну не будь ты такой неразумной и непрактичной, Орелия! Такой наивной! Я получила самое завидное, самое блестящее предложение, о котором может только мечтать любая женщина, – от самого маркиза Райда! И я должна стать его женой! Никто, ни один мужчина в мире не мог бы мне предложить столь высокое и столь уважаемое положение в обществе.

– Скверный Маркиз, – раздумчиво произнесла Орелия. – Но почему все-таки скверный?

Кэролайн пожала плечами:

– Наверное, его так прозвали потому, что он невероятно красив, а любая женщина, стоит ему только щелкнуть пальцами, будет у его ног бегать как собачонка, моля о благоклонности.

И Кэролайн засмеялась, но Орелия даже не улыбнулась.

– Все мужья к нему ревнуют, – продолжала Кэролайн. – К тому же, будучи таким богачом, его сиятельство каждый вечер выигрывает целое состояние в карты, а его лошади побеждают на скачках. И сам регент Георг советуется с ним по всем вопросам, поэтому есть люди, которые из зависти могут обвинить его в любом преступлении или ином злодеянии, стоит лишь им захотеть. Почва для этого будет у них самая благодатная...

– Это все его недостатки? Или имеется что-то еще? А то, что с ним советуется регент Георг, обстоятельство, как я понимаю, весьма сомнительного достоинства, – вздохнула Орелия.

– Ну, конечно, в недостатках у него нет недостатка, – скаламбурила в ответ Кэролайн, видимо, довольная, что недостатков действительно много и это делает честь маркизу. – В Риме он устраивал такие безумные оргии, что сам Папа пригрозил отлучением от церкви всем участникам! А в Венеции одна принцесса перерезала себе горло, когда маркиз от нее устал.

– И умерла?.. – Орелию передернуло. Она повела плечами и прошла, сделав несколько шагов в одну и в другую сторону.

– Нет, ее удалось спасти. Или она сделала это всем напоказ, продемонстрировать, как она страдает. Сейчас это модно... Чтобы о тебе говорили в гостиных и писали в газетах. На континенте об Англии пишут много, о всех выходках наших денди – истинных и подражающих им. А в Париже его лордство устроил такой переполох в игровых залах Пале-Рояля, что сам заявил, мол, пора ему возвращаться домой! Да, он вполне заслужил свое прозвище, уж тут будь спокойна!

– Послушай... Ты уверена, что он такой скверный на самом деле? – Орелия остановилась и посмотрела в лицо Кэролайн.

Беспечно пожав плечами, Кэролайн ответила ей со всей откровенностью:

– Надеюсь, что нет, но, по крайней мере, он, наверное, не такой смертельно скучный и надоедливый, что слушать и смотреть скулы сводит, если взять для сравнения очень и очень многих мужчин...

– И ты думаешь, что со временем полюбишь его? – упорствовала Орелия, сиюсь понять до конца кузину, но ей это никак не удавалось. Ну не укладывалось у нее в голове, как же можно любить такого циничного и безнравственного человека, забыв при этом другого, верного и добродетельного, каким в ее сознании оставался Джордж.

– Полюблю? – певуче воскликнула Кэролайн. – О чем ты, душа моя? Полюблю... Ха-ха-ха... и еще раз ха-ха-ха... Но ведь маркизу любовь не нужна, ты пойми! Сентиментальная, повсюду за ним следующая жена наскучила бы маркизу до умопомрачения. Милая, глупенькая Орелия, надо бы, надо научить тебя правилам бонтона! Мы с его сиятельством хорошо подходим друг другу. Я подарю ему наследника, а он мне все, чего я ни пожелаю.

– Все ли? – искренне, но с недоверием полюбопытствовала Орелия.

Наступило короткое молчание, и Орелии показалось, что взгляд Кэролайн стал каким-то отсутствующим, но потом кузина вызывающе, почти воинственно заявила:

– Да, Орелия, все, чего бы я могла пожелать! Ты мне не веришь? Ну что я могу сделать? Доказать это я тебе не могу, пока я еще не жена маркиза... Но едва ею стану, ты и сама поймешь, как я права.

Глава 2

Орелия отдала все необходимые указания по имению, и в один из ближайших дней сестры сели в карету. За окном потянулись зеленые поля и перелески с раскидистыми и молодыми деревьями, кустарники, огораживающие поляны с пасущимися на них коровами. Запах расцветающей зелени и подросшей травы смешивался с легким навозным, который сопровождал их все время, пока они ехали – в Англии этот запах не редкость, а привычный атрибут природы за пределами городов.

Всю дорогу до Лондона Кэролайн потчевала Орелию рассказами о своих приключениях в Италии и Франции.

– Граф совсем потерял от меня голову! – не раз, не два, а все двенадцать раз повторила она, повествуя о молодом французе, с которым познакомилась в Париже.

– Но ведь это было еще до того, как ты обручилась с маркизом?

Кэролайн с озорной ужимкой покосилась на благодетельную сестру:

– Нет, ну зачем я все пытаюсь научить тебя уму-разуму? Тебя, такую простодушную пастушку, Орелия! – И Кэролайн снисходительно улыбнулась.

– Ты действительно хочешь сказать, что, обручившись с маркизом, потом флиртowała с графом?

– Ну конечно, я флиртowała! А как же иначе? Уж не думаешь ли ты всерьез, что, обручившись, я стану вести себя как монахиня?

– Ну, положим, не как монахиня... Но ведь маркиз, и ты не станешь спорить, явно ожидает от тебя соблюдения некоторых приличий?

– Но я вела себя в высшей степени прилично! Мы встречались с графом лишь вечерами в парке, а если шел дождь, то он пробирался в дом через балкон – в парадную дверь не входил, и его никто не видел!

– Кэролайн! – растерянно воскликнула Орелия. – Но это же позор! Ну как же ты могла вести себя так некрасиво и непорядочно? А что, если бы маркиз об этом узнал?

– Совершенно убеждена, что для этого его сиятельство слишком занят своими собственными интрижками с женщинами, которых так много, что не упомнишь всех по имени. Он же дьявольски привлекателен, Орелия, я тебе это уже говорила, и женщины так и вьются вокруг него, так и кружатся, что те пчелы на цветущем лугу, даже смотреть смешно. Вон, взгляни в окно – вон цветы, а вон пчелы... Картина ясная? Ты мне не веришь?

– Верю, конечно же... Но, Кэролайн, что же будет, когда вы поженитесь? Ведь это же просто немыслимо, что ты говоришь... Я просто диву даюсь тебе... – с беспокойством ответила ей Орелия, машинально бросив взгляд за окно на поляну с цветами, мимо которой они как раз проезжали.

Она и в самом деле была чрезвычайно взволнована отношением Кэролайн к замужеству. Ее ветреной и строптивой сестрице нужен муж не только ее обожающий, но и властный! Под фривольностью Кэролайн и весельем, ненасытной жадой все новых побед и развлечений скрывается очень мягкая и отзывчивая на ласку натура, однако она донельзя избалована обожанием поклонников, плененных ее красотой и обаянием, и кажется похожей сейчас на необъезженную молодую лошадку, готовую умчаться в неизвестную даль, подчиняясь одним лишь своим желанием; ей явно угрожает опасность рано или поздно стать такой же безответственной и не знающей никаких запретов, каким всегда был ее первый муж Гарри.

В жилах Стэнионов текла бурная, непокорная кровь. Гарри был развращен тем, что, обладая слишком большими деньгами смолоду, он не умел контролировать свои поступки и поэтому погиб. Кэролайн, если кто-нибудь не станет управлять ею твердой рукой, тоже

может покатиться по такому пути – мужское восхищение ее красотой, откровенная лесть поклонников опьяняют ее, как вино...

– А в Риме был один князь... – как ни в чем не бывало продолжила Кэролайн рассказ и начала посвящать Орелию в некоторые интригующие подробности мужского ухаживания. События, о которых поведал ее веселый, очаровательный голосок, ее разнообразные приключения, буде они известны, погубили бы ее репутацию навсегда – сомневаться в этом не приходилось, заключила мысленно Орелия в ужасе от того, что не может пока ничего изменить.

– Но, Кэролайн, ты хотя бы любила этого человека? – осторожно спросила она, прервав повествование о тайных поцелуях во время бала, о свиданиях, на которые влюбленные приходили переодевшись, чтобы их никто не узнал, о часах, проведенных лунной ночью на берегу серебристого озера...

– О, я совсем потеряла голову... я по нему с ума сходила... – томно призналась ей Кэролайн, полузакрыв глаза, и голос ее стал грудным и низким от внезапно нахлынувших воспоминаний.

– Но тогда почему же ты не вышла за него замуж?

– Да потому, что он женат!

Орелия вытянулась в струнку на сиденье ландо.

– Кэролайн! Как же ты можешь так неприлично себя вести – и вдобавок с женатым мужчиной!

– Да, это плохо, правда? Но, Орелия, он так красив, так обаятелен! Я была тогда так далеко от дома, и мне стало безразлично все, что я делаю. А кроме того, я еще горевала о погибшем Гарри и нуждалась в любом утешении, тем более если мне подвернулось такое...

– Но ты же притворяешься! Тебе всегда было безразлично все, что связано с Гарри! Единственный раз в жизни, когда ты действительно чувствовала себя несчастной, это когда Джордж уехал из Англии! – Орелия была в полном отчаянии. Есть ли какие-то средства образумить ее сестру? Ну что же с ней делать? Слова, как видно, не помогают...

– Но ты же не хочешь, чтобы я, как плакучая ива, печалилась о нем всю свою жизнь? – возразила довольно резко ей Кэролайн. – И позволь мне, Орелия, заявить тебе напрямик: я намерена весело проводить время и в дальнейшем! – И она упрямо вздернула подбородок в свойственной ей манере. – Маркизу безразлично, чем я занимаюсь и как себя веду, коль скоро не подаю повода к скандалу, – продолжала она, – и у меня будет полно денег на самые баснословные и потрясающие наряды. К досаде всех этих модниц, которые всегда смотрели на меня сверху вниз!

Кэролайн рассмеялась, но смех ее был язвительный и колючий.

– И вид у них будет весьма глупый, уверяю тебя, когда им придется оказывать знаки уважения мне, маркизе Райд! Им тогда придется лебезить передо мной и притворяться, что все мои поступки достойны их восхищения, хотя в душе они будут сгорать от зависти и ненависти ко мне, что приходится так унижаться!

Немного помолчав, Орелия неожиданно взяла пальцы Кэролайн в свои.

– Дорогая моя, не надо портить свой характер, ты же всегда была милой и добросердечной, но когда ведешь такие вот разговоры, то кажешься совсем другой, такой, какую я никогда прежде не знала, – вкрадчиво проговорила она с чувством. – Ты же никогда не злилась, никогда не была такой ожесточенной. Да, ты была несчастной – но это совсем другое. Больше всего я желала бы, чтобы ты стала счастливой по-настоящему, действительно счастливой!

Кэролайн в ответ сжала пальцы Орелии и, выдержав паузу, во время которой та затаила дыхание, не прерывая сестру, очень по-детски, очень тихо ответила:

– Я постараюсь, Орелия, я очень постараюсь, но, понимаешь, мне иногда кажется, что у меня в груди нет сердца. Я его где-то потеряла. Вместо него внутри у меня пустое место. Но я не собираюсь оплакивать эту потерю, хочу смеяться, хочу быть веселой.

– Ну, конечно, все это так, только не позволяй своему желанию изменить твою истинную натуру.

– Постараюсь, чтобы до этого не дошло, – почти прошептала Кэролайн.

Слова сестры ее искренне тронули, она готова была сказать еще что-то, но не дала воли чувствам раскаяния и воскликнула, внезапно переменив настроение, что было ей так свойственно и так знакомо Орелии:

– Наряды, Орелия, наряды! Вот о чем нам надо теперь хорошенько подумать!

– Но ты сейчас не сможешь тратить на них много денег, – со вздохом возразила Орелия, – даже на приданое. Ты же знаешь, что сказал адвокат: тебе предстоят платежи по закладным на усадьбу.

Кэролайн рассмеялась и беспечно махнула рукой:

– Вот уж чего я не собираюсь делать, так это тратить на приданое те крохи, что мне оставил папа!

– Но как же ты... – начала было Орелия, но вдруг перебила себя, пораженная внезапным подозрением, и воскликнула: – Ты... ты же не хочешь сказать, что собираешься просить денег у маркиза, ты же понимаешь, что это... верх неприличия?!

– Ну конечно, ты и сама это должна понимать, я не собираюсь просить у маркиза деньги, прежде чем стану его женой, но вполне естественно, чтобы муж оплачивал долги жены.

– Кэролайн, так нельзя, ты не должна прибегать к разным недостойным уловкам.

– Но я могу и прибегну! – строптиво отвечала ей Кэролайн. – Маркиз так богат, он даже и не заметит, если я истрачу сейчас несколько тысяч фунтов на свои свадебные оборки. Не собираюсь же я идти к алтарю в простом холстинковом платье под насмешки всех этих *бонтониш*.

– Нет, нехорошо, так нельзя, – безнадежно печально уронила Орелия.

– Не беспокойся, милочка! – стала утешать ее Кэролайн, почувствовав глубину страдания своей наивной кузины. – И кстати, ты от этого только выиграешь: я же отдам тебе все мои старые платья! И, хотя они потребуют большой переделки, ты намного ниже меня, значит, в них ты будешь выглядеть изумительно, как в моем синем дорожном плаще, который мне никогда не нравился! И в этом моем капоре!

– Да, плащ и капор просто замечательные... И я очень благодарна тебе, Кэролайн, я действительно не могла бы показаться в Лондоне в моих старых капоре и плаще, – пролепетала в ответ Кэролайн. Ей совсем не хотелось разговаривать сейчас о нарядах, но что подделаешь?

– Ну, разумеется, не могла бы! – часто закивала кудряшками Кэролайн, и ее темные шелковисто блестящие локоны убежденно запрыгали вокруг ее личика, которое, едва речь пошла о нарядах, привлекательно раздумянилось. – И я тоже не желаю стыдиться при виде тебя. Да и если ты, моя кузина, будешь неказисто одета, люди подумают, что я тоже бедна!..

– Но я и сама могу сшить себе несколько платьев, – заверила ее Орелия, – и как это я не подумала раньше об одежде для Лондона? Скажи-ка мне, что сейчас особенно модно?

– О, это одна из любимейших моих тем для разговора! Слушай внимательно и запоминай! В моде теперь гладкие тонкие ткани – муслин, батист, креп, кисея... Такие платья можно украсить каймой из лент или цветов. Фасон напоминает античный, и надо красиво двигаться, чтобы изыяны фигуры не бросались в глаза. Но нам с тобой это не страшно – ну какие у нас изыяны фигуры? Мы красивы, как богини с Олимпа, и я, и ты... И уж не нас с тобою учить двигаться... А завязывать кашмирскую шаль – они сейчас очень модны! –

я тебя научу, это не очень просто, но очень важно, если ставишь перед собой цель затмить всех на балу или домашнем приеме. Вообще, надо ориентироваться на Древний Восток или Рим, или что-нибудь греческое.

– А на ногах что сейчас модно носить – я имею в виду на балу?

– Сандалии, душа моя... Туфельки, похожие на сандалии, без каблочки. Я же тебе говорю – в моде античность, как раз ты ее очень любишь, все эти драмы, трагедии!.. И чтобы нога была открыта до щиколотки. – Кэролайн вздохнула рассказывая обо всем, что касается моды – с таким удовольствием, как будто отвеживала нового кушанья и смаковала кусочки, разгадывая рецепт. Щеки ее покраснелись, глаза живо поблескивали. Она немного жестиком показала, изображая руками в воздухе особенности фасона и легкость ткани.

– Ах, сколько всего нового для меня ты сейчас говоришь! Я о многом просто не слышала, даже не думала ни о чем таком...

– А я вообще не представляю, о чем ты могла думать, живя в Мордене. Любой поглупеет, проживи он там несколько месяцев, ни с кем не общаясь, разве только в гости зайдет местный пастор... – Кэролайн недовольно скуксилась, скривив алые губки, но через секунду ее залихватистый смех снова огласил комнату.

– Да нет, там вовсе не скучно, и, уверяю тебя, дядя Артур следил, чтобы у меня всегда было чем заняться! В имении такая библиотека! Мы очень о многом с ним говорили... Мне всегда было с ним интересно! И я ему помогала во всем, что он делал! – улыбнувшись, возразила Орелия в свое оправдание.

– Возилась с его старыми, пыльными, скучными бумагами? – фыркнула в ответ Кэролайн. – Бедный папа! Кто когда-либо их прочитает? Но, милочка моя, не думай ты обо всем этом! Я намерена сделать так, чтобы ты имела успех, и при всей твоей несветскости ты же должна понимать, что в высшем обществе *Высокий Тон* – не причуда, не выходки взбалмошной молодежи, а насущная необходимость.

– Ну, тогда мне прямо сейчас следует вернуться в нашу деревню, – опять улыбнулась Орелия.

– Предоставь все мне. Уж я что-нибудь придумаю, а пока начни переделывать платья. Я их тебе отдаю. И не возражай мне, пожалуйста! Потому что, будь в том уверена, надевать я их никогда больше не стану!

– Кэролайн, почему? Да они почти все неношеные! – горячо запротестовала Орелия. – Ты так расточительна, а мне так много не надо! Уверяю тебя. Я обойдусь тем, что у меня есть!

– Ну да, ты обойдешься, я в этом не сомневаюсь... и еще поделишься с кем-нибудь... Да и что у тебя есть? Все старое и немодное! И, с другой стороны, ты что же, думаешь, в моем новом положении в глазах общества я стану надевать что-нибудь больше одного-двух раз? Как же... Да если меня увидят в той же одежде на третий раз – это уже моветон... Это дурно! Дурной тон! Пойми, милая моя деревенщина! – И она звонко чмокнула сестру в щеку. Орелия ничего на это не ответила, и Кэролайн вдохновенно продолжила: – Да, ты намного ниже меня и, к сожалению, гораздо более худенькая, но, по счастью, гораздо легче забрать лишнюю ткань в швы, чем выпускать ее. Пока мы не подыщем тебе действительно что-нибудь замечательное и все новое, ты и в прежних моих нарядах будешь выглядеть очень и очень миленькой.

– А я чувствую себя в них как-то непривычно, талия теперь не на месте, где-то под самой грудью... – уныло пожаловалась Орелия.

– Но в Париже сейчас начинается мода на тугую шнуровку, и вот увидишь, через год все наши прямые из-под груди силуэты совершенно выйдут из моды, – пророчески заметила Кэролайн, – так что мы всех поразим, когда появимся в Лондоне в своих новых приталенных туалетах уже сейчас. Впереди моды! Мы всех сразим наповал! На нас сразу же все обратят внимание!

– Ох... Вот уж не хотела бы я стать объектом всеобщего внимания, – тихо ответила кузине Орелия, но Кэролайн ее уже не услышала, пустившись в воспоминания о комплиментах, которыми ее осыпал один французский красавец, когда она появилась на балу в Тюильри в одном из тех платьев, что она щедрой рукой отдала сейчас бедной Орелии. И действительно, при виде такой красавицы не один джентльмен оборачивался ей вслед...

Так было и сейчас, когда Кэролайн в своем красном бархатном, отделанном горностаем, а Орелия – в гиацинтово-синем плащах появились на улице, словно только что сошли со страниц «Дамского журнала». Однако если Кэролайн могла мгновенно привлечь взгляды своей пышной и пламенеющей красотой, то Орелия с ее воздушным очарованием и удивленным взглядом широко расставленных глаз могла надолго запечатлеться в мужской памяти. Одно дело было сказать, что ее не слишком-то интересуют наряды, и совсем другое – приехать в Лондон и сознавать, что она выглядит, по крайней мере, достаточно модно одетой, когда экипаж наконец остановился у Райд Хауза на Парк-лейн.

Сначала Орелия удивилась и даже немного испугалась, когда Кэролайн сообщила ей, что жить они будут в маркизовом особняке.

– Но, право, это не совсем корректно, если учесть, что ты помолвлена с его сиятельством, – засомневалась Орелия.

– Маркиз пригласил в гости свою бабушку, вдовствующую герцогиню Уонтедж, чтобы она взяла меня под свое покровительство, а особняк такой большой, что в доме могут легко разместиться несколько десятков гостей, не причиняя друг другу каких-либо неудобств.

– Я и не думаю, что ты можешь доставить маркизу какое-то неудобство, – мягко возразила Орелия. – Просто может показаться странным, что ты живешь под его крышей до свадьбы.

– Его сиятельство – сам себе закон, а я не могу вообразить ничего глупее, если бы мы сняли какой-нибудь дом для нас двоих – и всего лишь на месяц. Нам не по средствам такая расточительность.

– На месяц! – воскликнула Орелия.

– Не удивляйся, миленькая. Ты же понимаешь, чем раньше кольцо окажется у меня на пальце, тем больше я буду уверена, что мне очень повезло и я и правда взяла в плен маркиза Райда.

– А ты подозреваешь, что его сиятельство может отказаться от брачных уз? – спросила потрясенная Орелия.

Ей было отлично известно, что если мужчина из общества сделал предложение и уже помолвлен, то это равнозначно тому, как если бы он дал слово чести, такое же священное и нерушимое, как обязательство вернуть карточный долг! Ни один благородный джентльмен не может бросить невесту, как бы ему этого ни хотелось, и ни при каких обстоятельствах.

– Нет, я, конечно, не боюсь, что маркиз откажется на мне жениться после всего, что он мне говорил. И, думаю, в «Газетт» уже напечатано объявление о нашей предстоящей свадьбе, надо будет посмотреть, кстати... Но в то же время всякое может быть: несчастный случай или смерть, мало ли что... – И, немного помолчав, Кэролайн внезапно призналась: – У меня появилось какое-то странное, скребущее ощущение. Мое счастье кажется мне таким невероятным, что я должна держаться за него обеими руками, а то оно ускользнет...

– Как золото фей, – слегка улыбнулась Орелия, тронутая откровением Кэролайн.

В детстве она всегда искала сказочное неуловимое золото, которое феи якобы прячут в лесах и тем самым заманивают глупых и жадных путешественников.

– Совершенно верно, – согласилась Кэролайн, – но золото фей исчезает при одном лишь прикосновении рук человеческих, а мое золото – настоящее, а только такое мне и нужно, и я твердо решила им завладеть.

В голосе Кэролайн снова прозвучала какая-то жесткая нотка, и Орелия печально вздохнула, однако, увидев Райд Хауз, она в какой-то мере поняла, почему кузина так жаждет стать владелицей этого замечательного здания.

Дом, сложенный из серого камня и увенчанный орудийными башенками, был огромен. Окна фасада смотрели на Гайд-парк. За домом был разбит большой сад, и перед глазами кузин уже промелькнули яркие цветочные клумбы, кусты белой сирени и золотистые ветви акаций. И непременно в Англии гортензии – синие, белые, розовато-сиреневые, кусты их поднимались выше человеческого роста. И чайные розы. Английский сад не предполагает симметрии и должен выглядеть заросшим и якобы неухоженным, однако только здешние садовники знают, насколько это не так... Особенно привлекали взгляд в саду Райд Хауза огромные деревья – их раскидистые ветви протягивались во все стороны, пытаясь охватить как можно больше пространства, каким был наполнен сад с его тенью и солнечными в ясную погоду большими полянами, однако и в дождь такой сад смотрелся волшебным.

Ландо остановилось у величественного подъезда с колоннами, к ним вышли слуги и сопроводили их в дом.

Потолки в Райд Хаузе были высокие, с прекрасной лепниной, стены холла украшали старинные, очень дорогие картины. Орелия узнала среди них многие – здесь были и работы кисти несравненного, столь стремительно ворвавшегося в мир живописных салонов Фрагонара, хотя в частных собраниях, в частности в этом, могли быть искусные копии с его шедевров, и знаменитые портретные работы Гейнсборо... В картинах Орелию привлекало, как правило, чувство цвета и тонкое ощущение реальности, а не сюжет, хотя психологизм Рембрандта заставлял ее цепенеть, когда бы она ни увидела какое-либо из его непревзойденных по использованию светотени полотен... Но что удивительно, вся английская школа живописи восемнадцатого века изображала мир в неких таинственных темных красках и полутонах, смысл которых ей очень хотелось бы разгадать. Вот и сейчас ей сразу же захотелось остановиться в холле и подольше постоять у тех картин, о которых они беседовали с дядей Артуром... Ей живо вспомнились эти беседы, и сердце ее сжала щемящая грусть – никогда уже это не повторится. Жизнь ее не станет такой, как прежде.

Но они шли дальше по дому. Мебель Райд Хауза, переходившая в наследство от поколения к поколению, могла бы стать драгоценным достоянием музея. Здесь царила атмосфера такого торжественного спокойствия, что Кэролайн невольно умерила щебет, и в сопровождении слуги они молча вошли через мраморный холл в просторный салон, выходивший окнами в сад, прямо на большую поляну, в дальнем конце которой синели кусты гортензии и вдоль другого края которой бугрились клумбы с розовыми пятнами веселых петуний. В салоне тоже все было так красиво, что дух захватывало, но Орелия видела сейчас только старую даму, которая при их появлении покинула кресло, стоящее возле камина.

Лет даме было около восьмидесяти, но она все еще не утратила следы былой красоты. Черты ее когда-то называли классическими, а белоснежные волосы над изящной линией лба все еще были роскошно густыми. Казалось, ее окутывала аура прежнего победоносного очарования. Дама была одета во все белое, и этот цвет, как потом узнала Орелия, герцогиня предпочитала всем другим. Ее шею, ниспадая на грудь, обвивало несколькими рядами матово мерцавшее жемчужное ожерелье, на руках сверкали браслеты с бриллиантами, и два кольца с огромными рубинами отягощали своей, уже чрезмерной, тяжестью тонкие старческие пальцы. Рядом с герцогиней стоял маленький негритенок, обмахивая ее опахалом из страусиных перьев.

Кэролайн присела в низком поклоне, и герцогиня, словно припомнив что-то, удивленно сказала, выстроив фразу несколько старомодно:

– Мне стало известно, Кэролайн Стэнион, что я должна поздравить вас и моего внука по случаю предстоящего вам счастья.

– Благодарю вас, мэм, – отвечала ей Кэролайн, – я вам благодарна также за согласие оказать покровительство и гостеприимство моей кузине и мне. Мы счастливы остановиться в Райд Хаузе. Это для нас будет гораздо удобнее, чем снимать какое-нибудь не слишком комфортабельное жилье именно сейчас, когда заканчивается весна и наступает лето.

– А я предвкушаю возможность сопровождать вас повсюду, – продолжила герцогиня. – Мне так надоело жить в сельской местности и наслаждаться только петушиным пением и кудахтаньем кур! Ну, для разнообразия еще коровы и запах навоза...

– Не могу поверить этому, мэм, – рассмеялась Кэролайн, – ведь его сиятельство мне рассказывал, что вы часто бываете в Лондоне и всегда проводите здесь бальный сезон.

В глазах герцогини блеснула искорка:

– Значит, мой внук плетет для вас небылицы, а теперь представьте мне свою кузину.

– Это Орелия, мэм, – послушно ответила Кэролайн, – мы вместе воспитывались. Как можете видеть, мы составляем явный контраст, однако не только внешне, но своими характерами также.

Орелия почувствовала на себе цепкий взгляд герцогини, ясный и пронизательный, несмотря на возраст. Казалось, герцогиня оценила все особенности ее внешности.

– А чего вы, дитя, ожидаете от своего пребывания в Лондоне? Замужества?

– Нет, мэм, совсем не этого, мне просто доставляет удовольствие сопровождать кузину Кэролайн.

– Ну, думаю, нам будет нетрудно найти и для вас подходящую партию. С вашей внешностью и, действительно, при таком интригующем контрасте, о котором говорит Кэролайн, не сомневаюсь, что скоро этот дом будут осаждать назойливые поклонники. – Внезапно ее взгляд посуровел: – Но предупреждаю, я буду очень строга. Ни один не подходящий для брачных уз молодой повеса не будет допущен в этот дом. Кэролайн, ваша кузина тоже должна сделать завидную партию.

– Но именно это я и твержу ей, мэм. Орелия должна выйти замуж, и, надеюсь, с вашей помощью мы сумеем найти ей привлекательного и вместе с тем подходящего мужа.

– Такого же подходящего, как мой внук? – чуть-чуть насмешливо осведомилась герцогиня.

– Сомневаюсь, что вообще может найтись такой же человек, как он, или в чем-то на него похожий, – ответила Кэролайн с напускным простодушием, – ведь его сиятельство совершенно в своем роде неподражаем, не правда ли?

– Я тоже всегда так думала... Он, по его собственному признанию, чрезвычайно увертлив, и я должна поздравить вас, Кэролайн: вы взяли крепость, для столь многих оказавшуюся неприступной.

– Мне очень повезло, наверное... Но к тому же я была, возможно, лучше других вооружена.

Орелия слушала этот обмен любезностями в каком-то немом замешательстве. Казалось, обе женщины – одна такая старая, другая еще столь молодая – умело фехтуют шпагами, и циничная умудренность в их взглядах, ирония, звучащая в голосах, были гораздо выразительнее их слов.

В эту минуту дверь распахнулась, вошел джентльмен, и Кэролайн, радостно вскрикнув, побежала ему навстречу, простирая руки, а перья страуса на ее капоре пришли в сильнейшее волнение – так быстро она устремилась к вошедшему.

– Ну, значит, вы добрались благополучно, – слышался глубокий, низкий голос, и сердце Орелии едва не остановилось – у нее не было сил вздохнуть.

«Этого не может быть, это невероятно! Какое фантастическое совпадение», – подумала она, в сущности, сразу узнав того, кто вошел сейчас в гостиную герцогини: это он, тот самый джентльмен, оградивший ее от приставаний двух молодых охотников, тот, кто вверг ее тогда

в необычайное, волшебное оцепенение. Однако он, очевидно, ее не узнал – и Орелия перевела дыхание: теперь надо было взять себя в руки, ничем не выдавая своих чувств. Он вряд ли хоть раз вспомнил о ней после того, как уехал, а если это не так, то помнит лишь девушку в старом дорожном плаще, которую принял, наверное, за сельскую, ничем не примечательную жительницу, не стоящую внимания столь сиятельного джентльмена, как он сам. Да, он забыл ту, которую снисходительно тогда поцеловал, и вовсе ее не узнает теперь в модно одетой девице в щегольском парижском плаще и французском же капоре – в его собственном салоне. И почти сверхъестественным усилием воли Орелия заставила себя казаться спокойной, пока, под руку с Кэролайн, джентльмен, которого она и не чаяла увидеть снова, медленно шел ей навстречу. Нет, она-то, конечно, ничего не забыла, ни этого красивого лица с его таким запомнившимся ей цинично-саркастическим выражением, ни слегка насмешливой улыбки, ни лениво полуопущенных век, и никогда-никогда не забудет. А сейчас он уже так близко...

Подойдя к герцогине, он поднес ее руку к губам, прежде чем поцеловать ее в щеку.

– Простите, бабушка, я должен был приехать пораньше, чтобы представить вам Кэролайн, но меня задержали.

– Карты, лошади, женщина? – быстро перечислила герцогиня, и опять в ее глазах блеснула лукавая искорка.

– На такие вопросы обычно не отвечают, но вам я отвечу: лошадь. Вы разочарованы?

– Это зависит от того, кто всадник, – возразила герцогиня, и маркиз рассмеялся. А потом повернулся к Орелии. Она попыталась взглянуть на него, но не смогла, и темные ресницы лишь подчеркнули бледность ее лица, когда она присела в поклоне.

– Это моя кузина Орелия, – услышала она слова Кэролайн, – я тебе рассказывала о ней, Дариус, и то, что папа завещал ее мне как источник добра и долг совести.

– И этим он взвалил на тебя чрезвычайно тяжкую ответственность.

В голосе маркиза снова прозвучала уже знакомая Орелии ирония. Выпрямившись, она взглянула на него, но не уловила ничего необычного в его взгляде, а поклонился он ей довольно сухо и формально. Он ее не узнал – решила Орелия, – а может быть, уже просто забыл девушку, которую поцеловал. Эта мысль принесла ей и облегчение, и почему-то ее опечалила. Начался разговор о Лондоне и о планах маркиза для Кэролайн на этот вечер. Орелия молчала, но остро чувствовала присутствие хозяина дома. Но как же она могла мечтать, что снова когда-нибудь встретится с джентльменом, который стал первым человеком в жизни, коснувшимся ее губ своими губами! Она украдкой поглядывала на него и очень растерялась, когда он неожиданно к ней повернулся.

– Надеюсь, мисс Стэнион, время в Лондоне вы проведете не без удовольствия. Мы очень постараемся, чтобы это было именно так и чтобы этот визит вам запомнился, тем более что нас вовсе не затруднит сделать это для вас.

– Благодарю... милорд, – запинаясь, отвечала Орелия. Она сразу же почувствовала, что ее появление маркиз воспринимает как некую шутку, курьез, словно под оболочкой модной одежды, даже если он забыл об их первой встрече, он все равно видит только малопримечательную деревенскую жительницу.

Кэролайн, конечно, была права: дом был настолько велик, что любое, даже самое многочисленное, общество могло здесь сколько угодно развлекаться, не причиняя никаких неудобств хозяевам, и Орелия в последующие два дня в этом убедилась. Маркиза она видела только изредка. Он возил Кэролайн в парк кататься, и в первые два вечера после ее приезда в Лондон они с Кэролайн обедали у родственников, куда ни герцогиню, ни Орелию не пригласили. Большую часть времени она проводила очень приятно – в посещении магазинов. Раньше она и вообразить не могла, что мода так стремительно меняется, что фасоны могут быть столь фантастически прекрасны, а туалеты так изумительно сшиты и столь же

изумительно дороги, но не унывала, оптимистически надеясь на возможность скопировать некоторые наряды Кэролайн. Увидев, однако, парадный туалет, который кузина собиралась вскоре обновить, Орелия поняла всю невозможность этого и приготовилась с благодарностью принять в дар платья, настоятельно предлагаемые ей кузиной, хотя и сама могла сшить себе несколько простых утренних платьев из муслина. По этой причине она однажды не отправилась вместе с герцогиней и Кэролайн в их рейд по магазинам, решив остаться дома и сшить себе платье, одно из самых простых по фасону. Принеся рулон ткани в гостиную на первом этаже, предоставленную им с Кэролайн как персональное святилище, где кузина отвечала на приглашения и писала благодарственные письма, Орелия уже совсем было приготовилась начать кройку, но вспомнила, что оставила рабочую шкатулку в салоне, где показывала герцогине вышивку, начатую еще до отъезда в Лондон. Орелии очень хотелось заметить старые накидки на кресла в Мордене, которые до того выцвели, что уже невозможно было разглядеть рисунок на них. Увидев вышивку, герцогиня восхищенно воскликнула, но как раз в эту минуту вошел слуга, объявляя о пришедших с визитом, и Орелия спрятала вышивку за диван, а потом забыла ее достать. Сейчас, спускаясь за ней в салон, она увидела в холле молодого человека. Его сапоги, брюки и даже пальто были сплошь забрызганы грязью, шляпа продавлена, а галстук, не первой свежести, совсем развязался, так что весь его вид был поразительно неуместен в роскошном и величественном Райд Хаузе. К тому же, как показалось Орелии, молодой человек, подозрительно покачиваясь, едва стоял на ногах. Дворецкий поспешил ему навстречу:

– Мистер Руперт, – воскликнул он, – что с вами?

– А где... мой дядя? – нечленораздельно, однако требовательно, заплетающимся языком пробормотал молодой человек.

– Сейчас его сиятельства нет дома!

– Но мне... необходимо его... видеть... немедленно...

Сказав это, молодой человек рухнул на пол как подкошенный, словно на краткий диалог с дворецким ушли все его силы, какие в нем еще оставались.

– Он болен! – И Орелия поспешила к упавшему.

Дворецкий опустился на колени возле него:

– Все в порядке, мисс, но, наверное, мистер Руперт сильно перебрал по части напитков.

Если не ошибаюсь, он прямиком из Оксфорда.

– Из Оксфорда?

Два лакея подняли бесчувственное тело и потащили его к лестнице, а Орелия снова поднялась к себе. Из Мордена она привезла с собой набор сухих трав, которыми пользовалась больных в деревне. Она сама выращивала эти лекарственные растения в старинном аптечном саду, заложенном еще в царствование Генриха VIII, и сама сушила их, зная, как они помогают при лечении лихорадки и недугов, связанных с отравлениями, особенно алкоголем, причем в любом возрасте – иным крепким мужчинам после длительных посиделок в пабе требовалась серьезная помощь, особенно если предметом споров и разговоров были такие острые проблемы, как необходимость строительства железных дорог, подобных той, которую недавно построили в Уэльсе – для пассажиров. С одной стороны, передвижение ускоряется, но дорога должна пролегать по урожайной земле, по пастбищам, через деревни, которые неизбежно пострадают, а многие их жители потеряют доходы... Очень горячие споры разгорались в пабах по этим вопросам!

Сейчас, невольно вспоминая все это, Орелия приготовила питье, смешав для этого отвар мяты перечной – две части, лавра благородного – две части, цветы горицвета весеннего и корня любистока – по одной части того и другого, добавила в напиток две полных ложки меда и понесла чашку в спальню, куда, как она успела заметить, и направлялись лакеи.

Орелия знала, кто сей молодой человек: герцогиня уже рассказывала ей о своем правнуке, Руперте Харрингтоне, родители которого давно умерли, а маркиз стал его опекуном.

– Дариус обожал свою сестру, – поведала тогда герцогиня, – но племянник для него обуза и доставляет только одни неприятности.

Орелия сочувственно, однако без особого интереса выслушала рассказ, но теперь, глядя на бледное молодое лицо с темными кругами под глазами, она вдруг прониклась жалостью к юноше, хотя и понимала, чем вызвано его недомогание. Было что-то почти детское в том, как разметались на белой подушке его темные волосы, как он что-то неразборчиво, бессвязно бормотал.

– Вряд ли мистер Руперт станет это пить, мисс, – заметил дворецкий, увидев Орелию с чашкой в руке.

– Но надо заставить его выпить этот настой. Мистер Руперт протрезвеет и почувствует себя намного лучше.

– Очень хорошо, мисс.

Дворецкого ее слова, конечно, не убедили, но, приподняв молодого человека, он посадил его на постели.

– Ну, ну, мистер Руперт, – увещевающе проговорил он, – эта добрая молодая леди кое-что принесла, и вы пойдете на поправку.

– Я желаю... видеть... дядю!

– Я сразу же доложу его сиятельству, что вы здесь, как только он вернется, и вам самому будет способнее с ним разговаривать, если вы это проглотите!

– Вот... именно... проглочу... Мне есть хочется... Я чертовски голоден! – воскликнул Руперт Харрингтон.

– Но сначала выпейте лекарство, – попросила Орелия.

– Питье... питье тоже... подойдет...

Он взял чашку и осушил до дна, даже не попробовав сначала на вкус, и коротко рассмеялся:

– А я надеялся... на что-нибудь... покрепче... а это просто мутная бурда...

– Вы уже достаточно отведали напитков покрепче, – мягко укорила Орелия. – А теперь постарайтесь заснуть, и когда проснетесь и ваша лихорадка пройдет, то и поесть сможете.

Руперт снова откинулся на подушки, и она тронула рукой его лоб.

– Ладно, пусть... будет по-вашему, – хрипло ответил он, – я жутко... устал, сил... нет... спорить...

– Ну тогда и спите, – тихо повторила Орелия.

Когда через час она опять вошла в его комнату, Руперт Харрингтон уже проснулся после крепкого сна.

– Какого черта я валяюсь в постели? – спросил он, увидев Орелию.

– Вам... стало плохо по приезде сюда. Вы были в пути всю ночь?

– Да, и... пил по дороге.

– Так я и думала, и если вы будете благоразумны, то проведете в постели весь день.

Он был уже вполне трезв и говорил связно, однако выглядел очень больным: совсем осунулся и побледнел, глаза потускнели, запали в глазницы и придавали лицу страдальческое выражение. И взгляд у него был какой-то затравленный, словно он чего-то очень страшился или что-то вызывало его бурный протест. Всю эту безотрадную смесь чувств Орелия прочитала на его лице.

– Что же вы делаете с собой, глупый мальчик? – опять упрекнула она его. И тут у нее на секунду появилось чувство, словно перед ней в постели лежит один из тех деревенских подростков, которых она часто лечила, – совсем упустив из виду, что сей оксфордский не оперившийся птенчик считает, наверное, себя модным джентльменом, с кем надо говорить

почтительно и уважительно. Однако Руперт в действительности ничего подобного не выказывал и не сердился. Совсем напротив, он потянулся к ее руке и судорожно пожал ее.

– Но мне надо повидаться с дядей, мне обязательно надо его убедить, что я не смогу больше продолжать...

– Продолжать что?

– Учебу в Оксфорде! Я больше этого не вынесу! Все ужасно, говорю вам. Они меня заставили вчера пойти с ними... Я не хотел и отказывался, но они сами пришли ко мне, повалили на пол и стали насильно вливать в глотку вино... Я знал, что все это будет ужасно, заранее знал...

– А что именно было ужасно? – сдержанно любопытствовала Орелия. Она видела, что юношу волнует нечто еще, лишавшее его душевного равновесия. Он разволновался, а потные пальцы все сильнее сжимали ее руку, но Орелия понимала, что в данный момент он не видит перед собой молодую девушку и вообще не видит в ней женщину. Она была для него просто человеческим существом, перед которым можно излить душу, а это сейчас для него самое лучшее – решила Орелия, – ему надо выговориться, и тогда душевная боль перестанет его так сильно мучить. Было ясно и то, что он выбит из колеи, иначе не вел бы себя так открыто с незнакомым человеком. Худшие последствия опьянения ушли, развязав язык, а к тому же после сна он пребывал в расслабленном состоянии духа и мог откровенничать с кем угодно, только бы его выслушали.

– Но что именно вас расстроило больше всего? – снова спросила Орелия тем же мягким, сочувственным тоном: за свою короткую еще жизнь она уже успела выслушать множество историй, до этого хранившихся в тайне, и от самых разных людей.

– Это из-за лошади, – проговорил Руперт, – вот тогда я и понял, что больше не могу всего этого выносить. На ней ехал Чарльз, и лошадь напоролась на зубья ограды, что на кладбище. Она так кричала! Вы когда-нибудь слышали, как кричит лошадь?

– Нет, и, надеюсь, никогда не услышу, – содрогнулась Орелия.

– Это было ужасно, – Руперт замотал головой и зажмурился. – Я и сейчас вижу, как оно все было с этим бедным животным. – И, тоже вздрогнув, продолжал: – Это Гарвин настоял, чтобы мы ехали через кладбище и прыгали бы там, верхом на лошадях, через памятники и надгробные камни, и чтобы сломали все замки, и железные решетки, и ворота. Я тогда сказал, что это все адски глупо, но на меня никто не обратил внимания. – И он порывисто сжал руку Орелии. – Чарльз, наверное, убится насмерть: когда его лошадь напоролась на зубья, он слетел с нее и упал прямо на голову и, наверное, погиб!

– Не думайте сейчас об этом, – взмолилась Орелия, – рано или поздно вы все равно узнаете, что с ним случилось.

– И я не могу вернуться в Оксфорд, – вскричал Руперт. – Я тогда сразу повернул назад и ускакал. Не знаю, в какой гостинице я остановился, но там я выпил и потом еще несколько раз пил, и тогда решил отправиться в Лондон.

– Чтобы повидаться с дядей?

– Да, и сказать дяде Дариусу, что в Оксфорд я возвращаться не намерен. Он все твердит, что Оксфорд из меня человека сделает, но я не хочу быть таким человеком, которым делает Оксфорд.

– А раньше вы говорили маркизу, что не хотите там учиться?

– Да, но он не желал и слышать об этом и потребовал, чтобы я там оставался. А я ему ответил, что не могу и не могу... А потом меня заставили вступить в клуб.

– Какой клуб?

– «Болтуны» называется. Там заставляют делать всякие дрянные штуки, например, колотить караульных. В последний раз, когда мы устроили драку, один несчастный старик так и остался лежать без сознания с порезом на щеке, наверное, дюйма четыре было в длину.

– Как это жестоко!

– Да, бесчувственно и жестоко, – скрипнув зубами, подтвердил Руперт. – И все это потому, что студенты слишком много пьют, по три бутылки на каждого, и это самое меньшее, а есть такие спортсмены, как Гарвин, которые выпивают и четыре, и все пять. – И Руперт глубоко вздохнул. – Я-то слабак. Меня тошнит от спиртного, и не чувствую я никакого веселья, и мне очень плохо потом, я просто больной на следующий день.

– А разве нельзя выйти из членов клуба?

– Я хотел, но они мне запретили. Вчера я отказался пойти с ними, но они меня вытащили насильно, а я все это ненавижу, ненавижу! – И, помолчав, добавил: – Тогда, на кладбище, была девушка, совсем еще молодая, почти ребенок, и она тоже как закричит!

– Не надо больше думать об этом, – твердо сказала Орелия, – постарайтесь все это забыть.

– Но разве можно это забыть? И если дядя Дариус заставит меня туда вернуться, то, клянусь, я покончу с собой. Нет больше сил терпеть. Я там всех ненавижу, все эти глупые и жестокие проделки, и Оксфорд ненавижу, и всегда ненавидел!

– А чем бы вам хотелось заниматься?

– Я в армию хочу, в полк, где служил мой отец. Вот там и есть мое настоящее место. Если бы отца не убили под Ватерлоо, он бы мне разрешил, но все дело в дяде Дариусе, у которого другие идеи насчет меня, а так как он себя считает Господом Богом Всемогущим, то я должен подчиняться его желаниям.

– А вы разве не рассказывали дяде о том, что происходит в Оксфорде?

– Я пытался поговорить с ним в прошлые каникулы, но он даже выслушать меня не захотел, да вы ведь знаете, какой он человек, такой равнодушный, недоступный, точно чужой. – И, снова помолчав, заявил: – Но я не собираюсь возвращаться в Оксфорд и ни за что не вернусь. Чарльз погиб, а он был лучше всех остальных. И никогда, никогда я не забуду, как кричала лошадь, так что, пожалуйста, ну, пожалуйста, помогите мне!

Он уже бредил. Орелия поняла, что лихорадка усиливается, и потрогала лоб несчастного – у него был жар.

– Вы все-таки постарайтесь уснуть, а я сейчас пошлю за врачом.

Руперт что-то пробормотал, но он был очень слаб и не мог больше вымолвить ни слова. Глядя на него, Орелия решила, что должна ему помочь. Еще никто и никогда не просил ее о помощи напрасно, однако еще никогда не возникало перед ней более трудной задачи. Как она посмотрит маркизу в глаза? И какое право она имеет обсуждать с ним его планы относительно родного племянника и оспаривать принятое им решение? Но... Руперт так умолял ее помочь ему... и, чего бы это ей ни стоило, она должна это сделать.

Орелия вышла из комнаты и, закрывая дверь, увидела в коридоре дворецкого.

– Мистер Руперт проснулся, мисс? – спросил тот, прежде чем Орелия успела заговорить с ним.

– Да, но думаю, что он сейчас опять заснет. У него жар, и было бы очень нелишним послать за врачом.

– Сейчас пошлю, мисс, но я шел сказать, что его сиятельство дома.

– Он у себя внизу?

– Да, мисс, в библиотеке. И, надо вам доложить, не очень-то он доволен, что мистер Руперт так неожиданно заявил... – он немного смущенно кашлянул, – прибыл из Оксфорда.

– Я сама поговорю с его сиятельством, а вы, пожалуйста, покажите мне, как пройти к библиотеке, и потом пошлите за врачом.

– Очень хорошо, мисс.

Дворецкий был достаточно вышколен, чтобы выражать свое отношение к происходящему, это было бы в высшей степени делом немыслимым, но, когда он пошел вперед, его

спина выразительно свидетельствовала о том, что лично он не одобряет действий Орелии. Молодым леди, гостящим в Райд Хаузе, не полагается отдавать приказания и ухаживать за больными вроде мистера Руперта. Тому надлежит сейчас быть в Оксфорде, усердно и прилежно постигая основы и глубины науки, а не досаждать его сиятельству своим непредусмотренным появлением, да к тому же еще в возмутительно nepотребном виде. Да, мисс Орелия нарушает незыблемые правила...

Пройдя через холл и увидев дверь библиотеки, она поблагодарила дворецкого и сказала, что извещать его сиятельство о ее приходе нет необходимости, так что дворецкому оставалось лишь распахнуть перед нею дверь и молча удалиться, что он и сделал, опустив глаза и плотно сжав губы. Изо всех сил стараясь преодолеть робость и тревожные опасения, Орелия тихо вошла.

Три больших французских окна – по сути двери, ибо начинались они от самого пола и были выше человеческого роста – вели прямо в сад. Вдоль стен библиотеки, с пола до потолка, тянулись книжные полки. Посередине стоял большой письменный стол, за которым сидел маркиз и что-то писал. В превосходном сером сюртуке из тонкого сукна и брюках палевого цвета он выглядел чрезвычайно элегантно. Белоснежный галстук был завязан искусными пышными складками, а высокие ботинки, начищенные смесью ваксы с шампанским, ярко блестели в свете солнечных лучей. Удивленно подняв брови, он оторвал взгляд от бумаг, но, увидев на пороге Орелию, медленно встал.

– Могу ли я поговорить с вашим сиятельством? – пролепетала она.

– Ну разумеется! Всегда к вашим услугам, мисс Стэнион! – любезно отвечал ей маркиз, всем своим видом выказывая благодушие. Он подошел к горящему камину и указал ей на высокое, с выгнутой спинкой, кресло, обитое красным бархатом. Она присела на краешек и с некоторым усилием и опасением взглянула на маркиза, а он снова увидел бледно-золотистые волосы, обрамлявшие маленькое личико, и большие глаза, потемневшие от волнения. Нерешительно Орелия спросила:

– Вы, милорд, уже знаете, наверное, что ваш племянник нездоров?

Маркиз нахмурился:

– Мой племянник? Так вы поэтому пожелали увидеться со мной?

– Я была свидетельницей того, как он приехал сюда и ему стало плохо. Он немного поспал, но у него началась лихорадка, и я попросила вашего дворецкого послать за врачом.

– Надо полагать, в этом не было никакой необходимости.

Тон его стал таким резким, что Орелия едва не дрогнула. Маркиз был очень высок и так властно смотрел на нее, что Орелия снова подумала, как при первой встрече с ним, что в его красоте есть нечто, вызывающее тревогу. От него исходила такая уверенность в своей правоте и непреложном превосходстве над всеми прочими, что она ясно поняла, почему Руперт так его боится. Значит, его приезд к дяде в Лондон, несмотря на страх, – героический поступок, и выпил он по дороге для того, чтобы придать себе храбрости, а если учесть, сколько его заставили выпить еще в Оксфорде, то неудивительно, почему он потерял сознание на пороге Райд Хауза. Его приезд сюда – настоящий акт героизма.

Орелия умоляюще сжала руки и еле слышно проговорила:

– Пожалуйста, я хотела бы поговорить с вашим сиятельством, но, может быть, вы тоже сидите? Вы такой огромный, что я теряюсь, мне трудно собраться с мыслями.

Маркиз как-то странно взглянул на нее, а затем неожиданно улыбнулся:

– У меня нет желания пугать вас, мисс Стэнион. Вы считаете, что я из тех, кто наводит на людей страх?

– Да, и очень большой, – откровенно призналась Орелия, – и ваш племянник тоже вас боится, вот почему его приезд из Оксфорда в Лондон, чтобы повидаться с вами, – храбрый поступок с его стороны.

– Повидаться со мной?..

– И рассказать, что он больше не может там оставаться, он совершенно растерян, запуган и питает отвращение к тамошним порядкам. Он нуждается в вашем сочувствии!

Маркиз сел в кресло с другой стороны камина, приняв позу свободную, если не сказать развязную – откинувшись на спинку кресла и положив ногу на ногу, – а затем внезапно и очень жестко проговорил:

– Руперт – слабовольный человек и дурак. Он не вправе беспокоить вас такой ерундой.

– Но для него это совсем не ерунда. Он в отчаянии.

– Руперт вернется в Оксфорд сразу же, как только встанет на ноги. Не верится даже, что такой хлюпик может быть моим родственником.

– Но разве если кому-то не под силу справиться со злом в одиночку, это обязательно трусость? В таком случае – самое лучшее просто не иметь со злом ничего общего.

– Вы говорите о безмозглом юнце, о слабохарактерном идиоте, который не может сам о себе позаботиться, – презрительно усмехнулся маркиз.

– Да, возможно, он именно таков, но в Лондон он приехал просить вашей помощи, и даже не просить, а умолять о ней, а также – о сочувствии, о понимании. И вы не хотите его выслушать?

Маркиз сжал губы, но, помолчав, ответил:

– Не хочу быть с вами груб, сказав, что все это вас не касается, мисс Стэнион, и глубоко сожалею, что вы оказались вовлечены в мои личные дела, но если вы желаете знать ответ, то вот он: мой племянник снова отправится в Оксфорд.

Что-то было такое в этой упрямой резкости тона, почему Орелию вдруг покинули застенчивость и страх. Она рассердилась: да, Руперт был прав, когда сказал, что его дядя возомнил себя Всемогущим.

– Но если вы так поступите с ним, ваше сиятельство, он пойдет слишком далеко. Он угрожает, что скорее покончит с собой, чем будет участвовать в безобразиях, в бесчестных и отвратительных поступках, к чему его вынуждают члены клуба «Болтуны».

Маркиз вздернул брови:

– Так вот какую компанию выбрал себе этот дурашливый юнец! Да, только идиот может вступить в такое предосудительное общество!

– Был он глуп или нет, но факт остается фактом: он член этого клуба, и его принуждают совершать такие поступки, каких у него нет желания совершать. Прошлой ночью его друг, некий Чарльз, напоролся вместе со своей лошадью на зубья железной ограды. Он считает, что Чарльз при этом погиб. – И так как маркиз молчал, она продолжала: – Это была какая-то бессмысленная скачка через оксфордское кладбище, но они занимаются еще более скверными делами, и Руперт не в состоянии выносить это дольше. Вы должны ему помочь. Ему больше не к кому обратиться за помощью, как только к вам!

Она говорила мягко и просительно, но маркиз отвечал:

– Я уже вам сказал: Руперт вернется к своим занятиям, но прежде, чем он снова отправится в Оксфорд, я в точности доведу до его сведения, что думаю о молодом человеке, который скулит и жалуется женщине.

Услышав эти язвительные слова, Орелия вспыхнула от негодования и сама удивилась своей смелости, бросив вызов маркизу.

– Очень хорошо, – сказала она, вставая, – если это ваше последнее слово, милорд, то делать нечего. Скажу только, что прозвище, которое вам дали, соответствует действительности... потому что это дурно, очень дурно, это по-настоящему скверно – губить человека, такого молодого и незащищенного. – И она с трудом перевела дыхание, так отчаянно забилось сердце в груди. – Да, он, возможно, человек слабохарактерный, но разве это его вина? Да, нет у него вашей силы и самоуверенности, вашего презрительного отношения к миру вообще и

окружающим вас людям. И это опять же не его вина, но под вашим руководством он со временем станет таким же безжалостным и жестоким. Тогда, наверное, он возгордится тем, что стал настоящим мужчиной, но, боюсь, вряд ли он проживет достаточно долго, чтобы насладиться таким желанным результатом. Будучи слабым человеком, он действительно может покончить жизнь самоубийством, как угрожает. Вам, конечно, это будет совершенно безразлично, но смерть его будет исключительно на вашей совести.

Голос Орелии дрогнул, слезы гнева сверкнули у нее на глазах, когда она шла к выходу, и лишь тогда, когда она коснулась дверной ручки, маркиз сказал:

– Остановитесь!

Она обернулась и сквозь слезы, застилавшие глаза, взглянула на маркиза, стоявшего на коврике у камина.

– Вы всегда так страстно боретесь за то, чего желаете добиться? – спросил он теперь совсем другим тоном.

– Я не за себя борюсь, но против несправедливости!

Как же она его ненавидит – твердила про себя Орелия! Как он бесчувствен и груб. Да, она его ненавидит, ненавидит!

– Вы уже употребили в отношении меня некоторые, очень жесткие, выражения, а теперь еще обвиняете в несправедливости.

– Все употребленные мной выражения можно заменить одним словом: вы жестоки, и нет на свете ничего более жестокого, чем оставаться безучастным и равнодушным к другим и не понимать их.

– Вы защищаете моего племянника, но вы же никогда не были с ним знакомы, вы так мало его знаете, – с циничной насмешливостью процедил маркиз.

– Так или иначе, но он остается человеческим существом, и, повторяю, он молод и беззащитен, он же еще почти мальчик.

В отчаянии, что ей не удалось убедить маркиза, она все же сделала последнюю, отчаянную попытку:

– Ваша бабушка мне сказала, что вы когда-то очень любили свою сестру. Теперь представьте только, что бы она сейчас почувствовала, узнав о вашем желании отослать Руперта обратно на дальнейшие муки и страдания, если не на смерть... туда, где... его ждет падение... которого бы ни одна женщина... не пожелала бы для своего сына!

И опять голос Орелии задрожал и слезы навернулись ей на глаза. Увы, она ничего не добилась, она бессильна помочь Руперту! Повернувшись спиной к маркизу, она снова взялась за ручку двери.

– Ладно, – сказал он вдруг тихо, – вы выиграли эту битву.

Не веря своим ушам, она обернулась: неужели она не ошиблась и он действительно это сказал? Из-за слез, застилающих ей глаза, она видела его лицо неясным размытым пятном...

– Идите и скажите этому негоднику, если он в состоянии слышать, что его дядя потерпел поражение в борьбе с очень грозным противником.

– Вы правду сказали? – еле-еле смогла вымолвить Орелия.

– Именно так я и думаю. Куда этот оболтус хочет? В кавалерийский полк?

– Да, вы же знаете! Он желает пойти по стопам отца.

– Очень хорошо. Я позабочусь об этом. Но помните, с этого момента вы отвечаете за его дальнейшую судьбу, и если опять у него ничего не выйдет, вам придется винить себя и только себя.

С минуту Орелия не могла произнести ни слова, потом безотчетно и машинально снова подошла к маркизу и взглянула ему прямо в глаза.

– Благодарю вас, – сказала она тихо. – Благодарю. Вы сделали доброе дело!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.